

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ
ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES

№ 3 (6)

ԵՐԵՎԱՆ - 2016

«ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ»
«БАНБЕР ЕРЕВАНИ АМАЛՏԱՐԱՆԻ. ՐՍՏԿԱՅԱ ՓԻԼՈԼՈԳԻՅԱ»
«BANBER YEREVANI HAMALSARANI. RUSSIAN PHILOLOGY»

Գլխավոր խմբագիր՝ Միրզոյան Հ. Ղ.

Խմբագրական խորհուրդ.

Ավետիսյան Լ. Վ. (*գլխ. խմբագրի տեղակալ*), Գազարովա Դ. Յու., Գևորգյան Տ. Մ. (*Մոսկվա*), Գոնչար Ն. Ա. (*գլխ. խմբագրի տեղակալ, պատասխ. խմբագիր*), Դենիսենկո Վ. Ն. (*Մոսկվա*), Լալայան Ս. Ա., Հակոբյան Լ. Գ., Հարությունյան Վ. Ն., Հովակիմյան Ա. Է. (*պատասխ. քարտուղար*), Մաթևոսյան Լ. Բ., Մխիթարյան Կ. Մ., Ջանփոլադյան Մ. Գ., Միմոնյան Ա. Հ.

Главный редактор: **Мирзоян Г. К.**

Редакционная коллегия:

Аветисян Л. В. (*зам. главного редактора*), Акопян Л. Г., Арутюнян В. Н., Газарова Д. Ю., Геворкян Т. М. (*Москва*), Гончар Н. А. (*зам. главного редактора, ответ. редактор*), Денисенко В. Н. (*Москва*), Жанполадян М. Г., Лалаян С. А., Матевосян Л. Б., Мхитарян К. М., Овакимян А. Э. (*ответ. секретарь*), Симонян А. Г

Editor-in-chief: **Mirzoyan H. Gh.**

Editorial Board:

Avetisyan L. V. (*Deputy editor-in-chief*), Denisenko V. N. (*Moscow*), Gazarova D. Y., Gevorgyan T. M. (*Moscow*), Gonchar N. A. (*Deputy editor-in-chief, Managing Editor*), Hakobyan L. G., Harutyunyan V. N., Hovakimyan A. E. (*Executive Secretary*), Janpoladyan M. G., Lalayan S. A., Matevosyan L. B., Mkhitaryan K. M., Simonyan A. H.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОЦЕНКИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ ВЕК СПУСТЯ

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

В истории армяно-русских литературных связей совершенно особое место занимает армянское брүсоведение. Оно зародилось еще в процессе создания антологии «Поэзия Армении», продолжая развиваться и в последующие десятилетия, особенно с 1962 года, когда в Ереванском педагогическом институте русского и иностранных языков им. В. Брюсова¹ были проведены первые Брюсовские чтения, ставшие впоследствии традиционными. Сегодня же, к столетию со времени выхода в свет «Поэзии Армении», уже имеется большая научно-критическая литература, где исследованы и охарактеризованы самые разные вопросы, связанные с антологией. Это и история ее создания, и принципы отбора вошедших в сборник поэтических образцов, и брүсовское восприятие, осмысление и оценка многовековой армянской поэзии, и анализ помещенных в антологию переводов. Теме «Брюсов и армянская поэзия» посвящены монографии на русском и армянском языках, многочисленные статьи, различные публикации, сообщения. Авторами привлечен и разнообразный архивный материал: переписка Брюсова с русскими переводчиками, с армянскими литераторами – его консультантами, а также рукописи самого Брюсова-переводчика, позволяющие проникнуть в его творческую «лабораторию», проследить пути его поисков и решений.

Казалось бы, тема «Брюсов и Армения» изучена досконально. Что же заставляет сегодня снова к ней обращаться? Прежде всего – время. Ведь время неизбежно накладывает свой отпечаток на восприятие как самой литературы, так и ее оценок. Об этом писал и сам Брюсов. Литературовед Камсар Григорьян в своей монографии «В.Я. Брюсов и армянская поэзия» приводит из архива поэта строки его письма Погосу Макинцяну: «То, что мы сейчас считаем художественным, не считалось таковым 50, 100 и 1000 лет тому назад и, может быть, не будет считаться через 50, 100 и 1000 лет... Мы уверены сейчас, что вот то-то есть поэзия, а то-то не есть поэзия. Но, как мы в том ни убеждены, это суждение субъективное. Изменится философия, изменится эстетика, изменится мирозерцание, изменятся

---

¹ Ныне – Ереванский государственный университет языков и социальных наук имени В. Брюсова.

суждения»². Примечательно, что К. Григорьян, посвятив отдельную главу статье Брюсова «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», заключает: «Прошло почти полвека с того дня, когда был написан вступительный очерк к «Поэзии Армении», и мы можем сказать, что основные положения Брюсова и поныне не потеряли своего научного значения» (с. 75). Монография К. Григорьяна вышла в свет на русском языке в 1962 году (до этого она была издана на армянском). А сегодня уже не «почти полвека» – целый век отделяет нас от выхода в свет «Поэзии Армении», причем за последние 50 лет слишком многое изменилось. И это дает полное основание и право не просто отметить юбилейную дату, а вновь обратиться к самым разным аспектам темы «Брюсов и Армения» в свете сегодняшнего дня.

Из этих разных аспектов рассмотрим критические оценки В. Брюсова армянской поэзии, отраженные в открывающем антологию его слове «От редактора к читателю» и в обстоятельном историко-литературном очерке «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков». Перечитывая эти работы, можно выделить ряд вопросов. Прежде всего это вопрос о том, какие мысли и суждения Брюсова об армянской поэзии выдержали проверку столетием и по-прежнему актуальны и востребованы, а какие – нет. Интересно также параллельно проследить, как трактовались и воспринимались брюсовские характеристики (имеются в виду и его высказывания обобщающего характера, и оценки творчества отдельных авторов) в армянском литературоведении в течение этого времени. Стоит также выделить отдельные точные, емкие наблюдения Брюсова, которые раскрывают, так сказать, «корневую» суть творчества тех или иных армянских поэтов.

Заметим, во-первых, что широко известны и зацитированы в самых разных статьях и исследованиях разных лет высказывания Брюсова об армянской поэзии обобщающего характера, напр.: «Знакомство с армянской поэзией должно быть *обязательно* для каждого образованного человека...» (не привожу эту и последующие цитаты целиком); о народных песнях: «Знакомясь с армянскими песнями, порой едва веришь, что это не тонко обдуманное создания какого-нибудь позднейшего поэта... А особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяет называть армянскую народную поэзию песнями народа-художника»; о средневековой лирике: «Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества... Средневековая армянская лирика есть истинное торжество армянского духа во всемирной истории»³. Эти и другие характеристики Брюсова стали и остаются как бы «визитной карточкой» многовековой ар-

---

² См.. Григорьян К. В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962, с. 43. При ссылках на данное издание страницы указываются в тексте.

³ «Поэзия Армении». Факсимильное издание антологии 1916 года. Ер., «Советакан грох», 1987, сс. 9, 38, 48. При ссылках на данное издание страницы указываются в тексте.

мянской поэзии. Они всегда актуальны, и думается, их значение не померкнет.

Пожалуй, единственное концептуальное мнение Брюсова, которое вызвало полемику среди армянских литературоведов, это его тезис о синтезе «двух начал» – восточного и западного – в армянской поэзии. Так, еще в 1963 году С. Даронян, отметив в своей рецензии на упомянутую монографию К. Григорьяна, что «автору удалось правильно и точно оценить наиболее важные выводы Брюсова, не утратившие значение и в наши дни», вместе с тем задается вопросом: «Непонятно, однако, почему К. Григорьян не полемизирует с Брюсовым по поводу его весьма спорной теории «синтеза» или «двух начал» в армянской поэзии. Известно ведь, что, говоря о «двуединстве армянского народного характера», отмечая, что «армянский народ, в самом его существе... одновременно и азиатский и европейский, Брюсов склонен был придавать этому «природному» фактору слишком большое значение. Отвлекаясь от конкретных социальных основ жизни армянского народа, он именно в этом «двуединстве» видел «ключ» к пониманию армянской народной поэзии»⁴.

Эту же мысль встречаем и в статье С. Дароняна «Проблема литературных связей в работах В.Я. Брюсова по армянской литературе» (см. «Брюсовские чтения 1966»), где подчеркивается, что брюсовская теория «синтеза» или «двух начал» (восточного и западного) «подверглась серьезной критике в научной литературе»⁵, хотя конкретно авторы этих критических оценок не названы.

Более подробно тезис Брюсова о «двуединой» природе армянской поэзии рассмотрен и в коллективной вступительной статье к двухтомнику «Брюсов и Армения» (книга 1, сс. 12-18). Авторы статьи – К. Айвазян, С. Даронян и Г. Татосян, – не принимая данную теорию, при этом замечают, что отдельные выводы Брюсова (например, когда он рассуждает о поэзии армянского средневековья) «противоречат его же концепции «синтеза Запада и Востока», характеризовавшего все развитие («единство») армянской литературы на протяжении веков»⁶. Авторы считают также, что «объективный анализ творчества армянских поэтов приводит Брюсова к преодолению им же самим выдвинутой теории «синтеза Запада и Востока» и к правильному пониманию внутренних законов развития армянской поэзии»⁷.

Надо сказать, что не все литературоведы считают данную концепцию Брюсова ошибочной, противоречивой. О. Ганалаян приводит эти слова

---

⁴ Даронян С. Содружество культур. Цит. по кн.: «Брюсов и Армения». Книга 2, Ер., 1989, с. 389.

⁵ Статья С. Дароняна цитируется по кн.: «Брюсовские чтения. Избранное». Ер., 1998, с. 426.

⁶ Айвазян К., Даронян С., Татосян Г. Брюсов и Армения. См.: «Брюсов и Армения». Книга 1, Ер., 1988, с. 16.

⁷ Там же, с. 17.

Брюсова о «синтезе двух начал», не оспаривая их⁸. Н. Сейранян, основываясь на вышеприведенных нами цитатах из этой коллективной статьи, правомерно отмечает: «Однако, при всем уважении к вышеназванным авторам, хочется еще раз обратить внимание на точку зрения самого Брюсова: мог ли он не заметить этого «противоречия», если тезис о синтезе лейтмотивом проходит через обе его статьи, касающиеся Армении, и выделен в заключении к «Поэзии Армении»... Нам представляется, – обобщает автор, – что /.../брюсовская концепция армянского мира в контексте всех его исследований об Армении является вполне убедительной. В особенности потому, что понятие синтеза восточного и западного начал раскрывается у Брюсова как **явление нового качества** (выделено нами – М. Д.), сложившегося в процессе обогащения и развития всех элементов исторического и творческого процессов, многовариантного их сочетания с доминантой национального мировосприятия»⁹. А Л. Мкртчян в начале 80-х годов писал: «Может быть, ради стройности концепции о «двуединстве армянского народного характера» Брюсов слишком подчеркивает мысль о двух скрещивающихся началах (восточного и западного) в армянской культуре. В целом его тезис плодотворен и проверяется достижениями новейшей армянской литературы»¹⁰.

В связи с этим вопросом заметим следующее. Синтез ведь не означает нечто формальное, механическую сумму слагаемых. Синтез – это процесс, развитие, преломление, скрещивание, и все это протекает своеобразно. Тезис о синтезе двух начал в армянской поэзии отнюдь не мешает Брюсову разглядеть и отметить главное – **художественную ценность** произведений, о которых он говорит, и здесь ему на помощь приходят его тончайшая интуиция поэта и громадная литературная эрудиция. И самое главное, что в своих характеристиках и оценках Брюсов **подчеркивает именно оригинальность, своеобразие художественного мира**, который открыла ему армянская поэзия. Напомним фрагмент еще одного зацитированного брюсовского высказывания: «... А как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же **самобытный** (выделено нами – М. Д.) мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества» (с.6). И не будем забывать слова самого Брюсова, сказанные в связи со средневековой армянской лирикой: «Но можно оставить в стороне эти нерешенные вопросы о степени влияния одной литературы на другую. В конце концов это не так важно, ибо никакое благодетельное «влияние» не может создать искусства там, где нет его зерна. Как ни удобрять и

---

⁸ Ганалаян Ов. Подвиг Валерия Брюсова. Ер., 1991, с. 5.

⁹ Сейранян Н. Концепция армянского мира в творчестве В. Брюсова. «Брюсовские чтения 2006 года». Ер., 2008, с. 271, 272.

¹⁰ Мкртчян Л. Валерий Брюсов и вопросы изучения классической армянской поэзии. «Брюсовские чтения 1983». Ер., 1985, с. 268. Далее страницы указываются в тексте.

ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если в почву не были брошены нужные семена» (с. 48). Эти слова еще раз показывают, что, хотя Брюсов в своей статье обращается к вопросам влияний и проводит различные параллели – самое важное и главное для него выявить ценность многовековой армянской поэзии как поэзии национально-самобытной и оригинальной.

Разумеется, не все суждения Брюсова об армянской поэзии оказались верными и выдержали проверку временем. Еще в монографии К. Григоряна была оспорена мысль Брюсова о влиянии символизма на творчество Аветика Исаакяна (с. 67-72). Нельзя согласиться и со словами Брюсова о том, что «в единую эпопею, подобную «Илиаде» и «Одиссее» или «Песни о Нибелунгах», армянские народные поэмы не спаялись» (с. 39). Отметим, что в период подготовки антологии было уже известно около 20 вариантов эпоса о сасунских богатырях, а в 1908 году в Тифлисе вышла в свет на армянском языке монография М. Абегиана «Армянский народный эпос». Но Брюсов, естественно, мог о монографии не знать, а мнение это он выразил не без влияния своего литературного консультанта П.Макинцяна¹¹. Нечетко проведена грань между произведениями Григора Нарекаци разных жанров: духовными песнями («тагами»), две из которых представлены в антологии в переводе самого Брюсова, и поэмой «Книга скорби» (которая и в отрывках не вошла в антологию). У Брюсова читаем: «Но слава Григория Нарекского основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называются «священными элегиями». До сих пор молитвенник Григория пользуется широким распространением в армянском народе, называясь просто «Нарек»» (с. 43-44). Читатель может подумать, что речь идет об одном и том же произведении. А «Нарек» называют в народе «Книгу скорби». Это не духовные песнопения. Не убеждают и брюсовские характеристики западноармянской поэзии конца XIX - начала XX века. «На смену Пешикташлян и Дуряну, – пишет он, – не пришел поэт с такой же стихийной силой дарования» (с. 84). Назвав несколько поэтов, вошедших в литературу в 90-е годы, – Сипил, Левона Шанта, Ваана Текеяна и др., – Брюсов считает, что «из ряда этих поэтов ни один не создал своего цельного «мира» (с.84). Поэзия Мисака Мецаренца, который стал классиком армянской литературы, прожив всего 22 года, вообще не рассматривается; сказано только: «Есть большое мастерство в строгих стихотворениях (непонятно, почему «строгих» – М. Д.) Мисака Мецаренца, скончавшегося рано и не успевшего развить свое прекрасное дарование» (с. 85). А говоря о поэзии Даниэла Варужана и Сиаманто, Брюсов почему-то в своей характеристике объединяет этих двух (таких разных!) поэтов, отметив влияние на их творчество французской поэзии, как

---

¹¹ См. об этом подробнее в нашей монографии ««Давид Сасунский» в русских переводах и критике». Ер., 2012, с. 25-29.

в плане техники стиха, так и в тематике – «живой связи с окружающей действительностью», «живых образах» (с. 88). Но ведь это поэты ярчайшей поэтической индивидуальности, между тем как индивидуальность их Брюсов определяет всего одним предложением, причем весьма необъективным: «Варужан более суров и жесток; Сиаманто более лиричен и женствен; но оба – истинные поэты» (с. 88).

В целом приходится констатировать, что страницы брюсовского очерка о поэзии «турецких армян» указанного периода – в частности, тех, чьи поэтические сборники стали выходить в свет в начале XX века (Д.Варужана, Сиаманто, М.Мецаренца) – не содержат, к сожалению, таких мыслей и наблюдений, в которых был бы раскрыт и охарактеризован их неповторимый творческий мир. И потому эта часть его статьи сегодня практически не востребована¹². Но тут, думается, нет вины Брюсова. Он не мог ознакомиться с творчеством этих поэтов в оригинале (П.Макинцян давал ему уроки восточноармянского языка); критические статьи о них тоже появлялись в основном в литературной периодике на западноармянском языке. Следовательно, ориентиром в оценке творчества этих поэтов ему, по всей вероятности, служили мнения армянских консультантов.

Обратимся теперь к другим высказываниям и оценкам Брюсова – высказываниям, которые и сегодня, спустя столетие, звучат так же свежо и современно и которые литературоведы и критики, ссылаясь на авторитетное мнение Брюсова, всегда цитировали и цитируют сегодня в подтверждение тех или иных своих суждений. Во-первых, заметим, что, основываясь на одном только варианте армянского героического эпоса, первую часть которого сам Брюсов перевел для антологии (это вариант «Давид и Мгер», записанный и опубликованный М.Абегином в 1889 г.), он в своем вступительном очерке фактически первым в эпосоведении (в том числе и армянском) сделал очень ценное наблюдение, где выделена одна из характерных черт армянского эпоса – отсутствие контрастных красок в обрисовке героев: если положительный герой, то у него нет отрицательных черт, а если отрицательный – наоборот. Выделив такие черты главного героя эпоса Давида, как безмерная сила, храбрость, честность и т.д., Брюсов одновременно подмечает: «Но в поэме придана Давиду и комическая черта, оттеняющая его благородство: наивная простота, ...которая доводит героя до самых опасных положений; кроме того, Давид – косноязычен, способен увлекаться, порой совершает явные промахи, – все это сообщает образу жизненную правдивость. Рядом с Давидом очертан в поэме ряд других лиц, в характеристике которых также соединены светлые и темные черты, например, дядя Давида – Ован; даже в «злодее» поэмы, великане

---

¹² Русского читателя, интересующегося западноармянской поэзией и, в частности, названными поэтами, мы отсылаем к вступительной статье Эд. Джрбашяна «Поэзия скорби и борьбы» в кн. «Армянские поэты нового времени». Л., (БП), 1983, с.30-54.

Мысрамелике, мелькает что-то привлекательное» (с. 40). Точность и ценность этого наблюдения подтверждается, в частности, и вступительной статьей Л. Мкртчяна к изданию сводного текста «Давида Сасунского» 1982 г., – статьей, написанной спустя более чем полвека после брюсовского вступительного очерка, на основе изучения около 70 вариантов эпоса: «Эпос изображает характеры сложные, эпос не знает примитивного деления героев на сугубо положительные и сугубо отрицательные. Эпос пишет людей неоднозначных»¹³.

При характеристике творчества того или иного автора Брюсов, проявляя знания и подход ученого-исследователя, критика, выражает свое отношение еще и как поэт. Он даже к вопросам, имеющим, казалось бы, сугубо историко-литературное значение, подходит прежде всего как поэт. Одним из таких вопросов был в период создания очерка вопрос о Наапете Кучаке. Свой разговор о нем Брюсов начинает так: «К XVI в., вероятно, относится и поэзия Наапета Кучака. Теперь установлено, что он не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в начале XVI в. в области Вана; Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни». Заметим, что здесь в изложении Брюсова употреблены «по-видимому», «вероятно», т.е. он высказывает мнения, окончательно не утвердившиеся. Но при этом он тут же четко выражает свой собственный взгляд: «Но кто бы ни был исторический Наапет Кучак и на какие бы годы точно ни падала его жизнь (во всяком случае, он жил в конце средневековья) – стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии» (с. 55).

Брюсов здесь как бы предвосхитил наличие споров, связанных с Кучаком, не только в вопросе, откуда поэт родом, но и в том, в какое время он жил. Ведь армянские ученые позднее, уже после выхода в свет антологии (в частности, М. Абемян в конце 20-х гг., а также А. Мнацаканян и Л. Хачикян в конце 50- начале 60-х гг.), утверждали в своих работах, что айрены следует относить к XIII-XIV векам¹⁴. Но Брюсов, отметивший, что переход «к чисто субъективной лирике» произошел в армянской поэзии в XIII-XIV веках (с. 50) и что поэт этой эпохи Костандин Ерзнкаци «был и первым, кто коснулся мотивов любви, ставших затем одной из господствующих тем армянской поэзии» (с.50), с присущей ему поэтической интуицией чувствовал, что тема любви, в эти века только-только входя в армянскую поэзию, не могла сразу же быть выражена словами и образами, передающими довольно интимные (при этом остающиеся высоко поэтичными) отношения между мужчиной и женщиной, как, к примеру, в одном

---

¹³ Мкртчян Л. Героико-патриотический эпос армянского народа. В кн.: «Давид Сасунский. Армянский народный эпос». Л., (БП), 1982, с. 32.

¹⁴ См. об этом во вступительной статье Л. Мкртчяна к сборнику: **Наапет Кучак**. Сто и один айрен. Ер., 1975, с.6-7.

из переведенных им же самим айренов Кучака:

О ночь, продлись! останься, мгла! стань годом, если можешь, ты!
Ведь милая ко мне пришла! стань веком, если можешь, ты!
Помедли, утра грозный час! ведь игры двух тревожишь ты!
Где радость? в скорбь ты клонишь нас! ты сладость гонишь темноты!
(с. 227)

Поэтому он и высказал предположение, что Кучак жил в конце средневековья.

В Брюсовской характеристике предвосхищено решение еще одной связанной с именем Кучака проблемы, которая стала в последующие десятилетия одной из актуальных и дискутируемых: это проблема авторства айренов. М. Абегян и другие ученые в своих трудах проводили точку зрения, согласно которой айрены не имеют никакого отношения к Кучаку: это средневековые народные песни. Во второй половине прошлого века эта точка зрения, хотя и постоянно оспаривалась, но в определенные периоды становилась официальной. Достаточно сказать, что в школьных учебниках по армянской литературе первых лет после обретения Арменией независимости имя Наапета Кучака вообще отсутствует. В главе «Айрены» отмечено: «Долгое время эти песни приписывались ашугу XVI века Наапету Кучаку. Однако доказано, что их авторы – народные певцы, гусаны, чьи имена нам неизвестны»¹⁵. Правда, впоследствии имя Кучака было возвращено армянской литературе – во многом благодаря усилиям академика Г. Тамразяна, возглавившего коллективный труд преподавателей Ереванского университета по созданию объемистого сборника (более 600 страниц) «Поэтический мир Наапета Кучака» и снабдившего этот сборник обстоятельной вступительной статьей¹⁶. В свете всего сказанного еще раз отметим поэтическую интуицию В. Брюсова, который еще в 1915 году охарактеризовал индивидуальность этого поэта («Среди всех средневековых лириков Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений», с. 56) и высказал свое четкое мнение о том, что нельзя айрены Кучака «растворять» в народном творчестве безымянных авторов. Приводя мнение (очевидно, уже известное Брюсову в те годы), что «Кучак был только собирателем народных песен, ...что в его стихах встречаются мотивы, ...бесспорно принадлежащие народной поэзии», Брюсов замечает: «Такое мнение опровергается, однако, явным оттенком некоторой книжности (не в дурном смысле слова), лежащим на других стихах Кучака: он мог пользоваться народными песнями как материалом, но многое обрабатывал самостоятельно и своеобразно»(с.56). И

¹⁵ Бахчинян Г., Саринян С. Армянская литература. Учебник для 9 класса общеобразовательных школ. Ер., 1996, с. 136 (на арм.яз.).

¹⁶ См.: Тамразян Г. Поэтический мир Наапета Кучака. Вступ. статья в кн. того же названия, Ер., 2001, с. 9-82 (на арм.яз.).

примечательно, что те армянские литературоведы, которые активно возражали против того, что айрены – это народные песни, а не плод творчества поэта (неважно, как его звали), ссылались на цитированные выше слова Брюсова. Так, Л. Мкртчян, инициатор издания целого ряда сборников Кучака на русском и других языках (снабженных его предисловиями, примечаниями, подстрочными переводами) приводит эти слова в своей статье «Валерий Брюсов и вопросы изучения классической армянской поэзии». «Замечания Брюсова, – подчеркивает он, – ценны и интересны в свете современных споров о Кучаке и его биографии. Ясно одно, что, если имя автора стихов неизвестно, то нельзя на этом основании стихи считать народными гусанскими песнями» (с. 268).

Что же касается характеристики самого поэтического мира Кучака, то и здесь брюсовские наблюдения не утратили и сегодня своей ценности. Вот хотя бы одно из них: «Он независим в выражении своих чувств, он ближе к уличной толпе, нежели к дворцовым ступеням... Единственный султан, перед которым Кучак склонял голову, была его вечная и властная повелительница – любовь» (с. 57).

Из отличающихся своей точностью, емкостью и сполна сохранивших свое значение в наши дни брюсовских характеристик и оценок творчества средневековых армянских поэтов отметим и его оценки поэзии Фрика и Саят-Новы. «Дух свободной критики, – пишет он о Фрике, – впервые загорается в этих стихах армянского вольнодумца XIV века...» (с. 50). Брюсов одним словом «впервые» фактически сразу отметил значение Фрика и его место в армянской поэзии, потому что до Фрика никто так открыто и наглядно не обнажал несправедливости жизни, несправедливость Бога как по отношению к целым народам (конечно, он имел в виду прежде всего армян), так и по отношению к обычному человеку, к его судьбе. Фрика характеризует Брюсов и когда говорит о поэтах следующих поколений. Он пишет, что «армянские поэты шли своей дорогой, продолжая дело двух Ерзнкайских певцов и, частью, желчного Фрика» (с. 51). А в слове о Мкртиче Нагаше, поэте XV века, Брюсов отмечает, что, «развивая темы Фрика, он не возобновляет его дерзостного спора с творцом» (с. 53). Из этих двух цитат видно, что Брюсов умеет выразить главное в поэзии Фрика, суть его творчества – одним эпитетом, одним определением (*желчный, дерзостный*).

Пример с Фриком – не исключение. Слово Брюсова – исследователя и критика армянской поэзии – ёмко, образно. И если говорить о «синтезе двух начал» в манере изложения самого Брюсова, то здесь можно явственно проследить синтез, в котором слились исследователь-критик и поэт. Мы не говорим о том, что некоторые его характеристики (например, средневековой армянской лирики – «Сияющая всеми семью цветами радуги, переливающаяся блеском всех драгоценных камней, благоуханная, как

полевые цветы и как изнеженные ароматы...» (с.48) и т.д., – где следуют одно за другим блистательные образные сравнения), не теряя своей научной ценности, покоряют поэтичностью слога. Мы хотим отметить, что в брюсовских характеристиках творчества армянских поэтов можно найти слова, которые, как в поэзии, емки, многослойны, имеют подтекст, «раскрывают» свою глубину... Это, так сказать, ключевые слова. Один эпитет, один глагол, одно словосочетание могут стать ключиком, которым читатель откроет дверцу в неповторимый мир того или иного поэта, почувствует его индивидуальность, характерные стороны творчества. Это еще как бы слова-формулы, т. е. они могут раскрываться, становиться предметом отдельного анализа. Возьмем хотя бы брюсовскую характеристику поэзии Саят-Новы. Мы сейчас не имеем в виду общие оценки его творчества (их несколько – и в слове «От редактора к читателю» и в самом вступительном очерке), где Брюсов отмечает значение Саят-Новы не только для армянской, но и для мировой поэзии. Они тоже зацитированы, как зацитирована и следующая мысль: «Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд – однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность!» (с. 62). Мысль эта, как известно, завершается так: «Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков». ...Но как в то же время остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»: их воспринимаем мы как самые яркие цвета... Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах» (с. 62). Эти слова Брюсова – словно золотой ключик для раскрытия поэтической индивидуальности Саят-Новы, и они никогда не утратят своей ценности и значения.

Называя Саят-Нову «поэтом оттенков», Брюсов, конечно, прежде всего имел в виду образы, сравнения, которыми поэт выражал свои чувства. Заметим, что сам Саят-Нова видел своеобразие и значение своей поэзии именно в словесном, образном арсенале своих песен (*Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!*)

Брюсовские слова о том, что Саят-Нова – «поэт оттенков», цитируются во многих литературоведческих работах, посвященных Саят-Нове. Так, Паруйр Севак пишет в своей монографии о поэте: «Его синонимический словарь содержит такое богатство, что «счетоводами» этого богатства стали даже представители других народов. В. Брюсов, к примеру, говорит именно об этом, когда находит в песнях Саят-Новы потрясшее его **«неисчерпаемое разнообразие в кажущейся однотонности»** (выделено нами) и создателя этих песен по праву называет «поэтом оттенков»¹⁷. Сам Паруйр Севак «раскрывает» эту формулировку Брюсова, приводя характерные примеры из песен Саят-Новы (см. с. 151-158 его монографии). Об об-

---

¹⁷ Севак П. Саят-Нова. Ер., 1969, с. 146 (на арм.яз.).

разном богатстве в лирике Саят-Новы говорит и Л. Мкртчян в своей вступительной статье к сборнику «Армянская средневековая лирика». «В этом буйстве образов и красок виден большой мастер, искусно повелевавший миром метафор и сравнений, в которых сливались поэзия жизни и поэзия воображения. Поэт сохранил самобытность при явной традиционности многих его стихов. ...Палитра Саят-Новы не знает обесцвеченных красок, стертых образов», – замечает он. И еще одно наблюдение автора, близкое к Брюсовскому: «При всей яркой живописности стиха Саят-Новы, в его песнях многое значили нюансы, выражающие малейшие движения чувств и настроений»¹⁸. К образной системе поэта обращается и В. Налбандян, выделяя в ней «повторенные в разных вариантах символы любви – опаляющее пламя и нежную розу», говорит о разнообразных сравнениях¹⁹. Отметим, однако, что, на наш взгляд, еще не все сказано о Саят-Нове как «поэте оттенков», – настолько «объемна» эта Брюсовская мысль. Она может быть подтверждена и другими многочисленными примерами, на которые обратят внимание будущие исследователи.

Рассмотрим и некоторые характеристики представителей новой армянской поэзии, данные Брюсовым не только как исследователем и критиком, но и как поэтом. Брюсов говорит о Петросе Дуряне, что он «прорезал небосклон армянской поэзии как яркий метеор» (с. 68). Снова перед нами образное сравнение, в котором – и значение творчества Дуряна, и его судьба. Словом «прорезал» Брюсов подчеркнул кратчайший, молниеносный жизненный путь Дуряна, прожившего всего 20 лет... Вот еще одно Брюсовское наблюдение: «Романтик и по убеждениям и по природе, Дурян в своих сравнительно немногочисленных песнях прокричал миру о своей страстной любви к родному народу, о своей вере в самого себя, о своих страданиях, которые были бы страданиями каждого мыслящего человека в окружавшей поэта среде...» (с. 69). Казалось бы, критик отмечает характерные мотивы творчества поэта. Но обычный критик вряд ли употребил бы слово «прокричал». Он предпочел бы более нейтральные слова: «выразил», «отобразил», «сказал» и др... А слово «прокричал», выбранное Брюсовым, поэтически емкое, потому что оно одновременно подчеркивает и бурный темперамент Дуряна, т.е. характеризует его творческую индивидуальность. Брюсов потом снова возвращается к темпераменту Петроса Дуряна как отличительной черте его поэзии: «Юноша Дурян остается в истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний...» (с. 69). Примечательно, что не всегда бурные переживания поэта проявляются явственно, как, скажем, в сти-

¹⁸ Мкртчян Л. От «Рождения Ваагна» до Саят-Новы. Вступ. статья в кн.: «Армянская средневековая лирика». Л., (БП), 1972, с. 55, 56.

¹⁹ См. Налбандян В. Певец человека и любви. Вступ. статья в кн.: Саят-Нова. Стихотворения. Л., (БП), 1982, с. 45-46.

хотворениях «Отказ», «Моя смерть», «Моя скорбь», «Ропоты» и др. /.../ Но скрытые волнения души всегда наличествуют в его стихах. Ведь сам поэт сказал о себе в стихотворении «Что говорят»: «О, бури мои – на дне!» (перевод подстрочный). Эта строка стала у армян крылатой. Брюсовская характеристика поэзии Петроса Дуряна и сегодня сохраняет свое значение.

Ценными и востребованными в наши дни являются и рассуждения Брюсова о поэзии Рафаэла Патканяна. «Значение поэзии Патканяна трудно оценить в полной мере читателю не-армянину, – пишет он. – Ее основная сила в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но в горьких сатирах. Он /.../умел разить гневными стрелами всё, заслуживающее таких ударов»(с.72-73). Далее, рассуждая о разных проявлениях патриотизма в стихах поэтов, Брюсов подчеркивает особенность и характер патканяновского патриотизма: «Его не ослепляет любовь, он видит грехи и язвы родного народа, но вместе с тем знает, за что его любит и что в нем любит. Это – патриотизм действенный, обязывающий не к безличным восторгам, но к решающим поступкам»(с. 73). Примечательно, что, хотя в самой антологии не нашли места сатирические стихи Патканяна (они и до сих пор не переведены на русский язык), Брюсов счел необходимым упомянуть их, поскольку именно сатирические стихи (такие, как «Армянин и армянство», «Армянский юноша со столичным образованием», «Армянская девушка со столичным образованием», «Плевков армян» и др.) особенно ярко раскрывают суть патканяновского понимания патриотизма, которое Брюсов определил одним метким словом - «действенный». Как пишет поэт в стихотворении «Армянин и армянство», ни знание армянского языка, ни фамилия на «ян», ни национальные кушанья или одежда и другие внешние признаки еще не дают человеку права называться армянином. Армянин – тот, для кого интересы родины и ее судьба превыше всего, кто самоотверженно и бескорыстно служит этим интересам, кто готов ради родины на всё. Все остальное в жизни человека – богатство, слава, успехи – по Патканяну, не имеет никакой цены. Характерны строки из его стихотворения «Плевков армян»:

Ты много учился, стал ученым,
Люди тебя повсюду восхваляют.
Но если от твоей учености нет пользы Армении, –
Плевали мы на тебя и на твою ученость²⁰.

(перевод подстрочный)

Так что и брюсовская характеристика поэзии Рафаэла Патканяна сегодня несколько не устарела, напротив, в свете реалий сегодняшнего дня она звучит как нельзя более актуально.

---

²⁰ Патканян Р. Сочинения. Ер., 1980, с. 93 (на арм. яз.).

Верно определена Брюсовым и та роль, которую сыграл в истории новой армянской поэзии Ованес Ованнисян (Иоаннес Иоаннисиан, как называет его Брюсов). «Иоаннисиан, - пишет он, - во многих отношениях был создателем новейшей фазы новой армянской поэзии» (с. 77). Брюсов раскрывает этот свой тезис: «Иоаннисиан словно ставил себе задачей – указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье – все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисианом. ...Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне. ...Поэт обработал некоторые древнейшие песни и предания, воспользовался мотивами и приемами народной лирики, и некоторые стихотворения Иоаннисиана вернулись в народ: поются, как подлинно народные песни, утратив имя своего автора» (с. 77).

Заметим, что мысль Брюсова о поэзии Ов. Ованнисяна как о новом этапе в поэзии восточных армян полностью поддержал Ованес Туманян. В конце 1916 года на вечере Кавказского общества армянских писателей он обратился к молодым армянским поэтам с речью, которую начал так: «Поэзия восточных армян прошла через три периода своего развития. В 1857 г. студент Р. Паткян издал свой первый сборник стихов – «Национальный песенник» и положил начало первому ее периоду. Спустя 30 лет, в 1887 г., издал свою первую книгу стихов студент И. Иоаннисиан и открыл второй период армянской поэзии. Прошло еще 30 лет, и в 1908 г. В.Терьян, тоже студент, выпустил в свет свой поэтический сборник – «Грезы сумерек», и начался третий, новейший период армянской поэзии, о котором торжественно говорим мы сегодня в Обществе армянских писателей»²¹.

Действительно, Ов. Ованнисян разнообразил и обогатил армянскую лирику и в тематическом, и в жанровом отношении. Очень важно также, что он обратился к фольклору. Он обозначил и открыл пути, по которым потом стало развиваться творчество двух великих поэтов – Ов. Туманяна и Ав. Исаакяна.

Что касается брюсовской характеристики творчества Ованеса Туманяна, то это, на наш взгляд, как раз тот случай, когда оценка русского поэта, данная в одном предложении, становится формулой, которая может раскрываться многократно, с разных сторон, с разными акцентами. Вот слова Брюсова: «В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером» (с. 79). И не случайно эти слова очень часто цитировались и цитируются армянскими туманяноведами, исследующими самые разные вопросы творчества «поэта всех армян».

---

²¹ Туманян Ов. Слово начинающим поэтам. // Ов. Туманян. Избр. произведения в трех томах. Т. 3, Ер., 1969, с. 302.

И еще одно очень ценное наблюдение о поэмах Туманяна, рисующих жизнь армянской деревни на рубеже веков («Стенания», «Маро», «Лориец Сако», «Ануш»). В этих поэмах, по мнению Брюсова, «сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (напр., с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые тома специальных исследований» (с. 78). Отметим, что и эта мысль часто цитируется; кроме того, в армянском туманяноведении раскрыто новаторство поэта в отображении народной жизни с учетом поступательного развития новой армянской литературы. Это показал Эд. Джрбашян в своей монографии «Поэмы Туманяна». Выявив особенности туманяновского отображения народной жизни и быта в названных поэмах, автор обобщает: «Туманян преодолел описание быта как самостоятельную тему, как объект сугубо этнографического интереса и углубил его художественное значение. ... Быт органически сливается у него с психологией героев, их поступками, с картинами массовых сцен, становится естественной почвой для больших художественных обобщений»²². Это, по мнению известного туманяноведа, было одним из достижений туманяновского реализма и всей армянской литературы. А заключает Эд. Джрбашян свою мысль двумя вышеприведенными высказываниями Валерия Брюсова о творчестве Туманяна.

Итак, спустя столетие после выхода в свет знаменитой антологии «Поэзия Армении», мы можем сказать, что многие брюсовские характеристики и оценки как общего характера, так и творчества отдельных армянских поэтов не устарели. Они сохраняют свое литературно-критическое значение. Это живые, точные, меткие, образные, запоминающиеся высказывания, которые и сегодня остаются востребованными и продолжают будить литературоведческую мысль.

Ключевые слова: *столетие, антология, Брюсов, армянская поэзия, критические оценки, актуальность, мнения армянских литературоведов.*

ՄԱԳՐԱ ՋԱՆՓՈՒՆԱԴՅԱՆ – Հայ պոեզիայի Վալերի Բրյուսովի գնահատականները մեկ դար անց – Հոդվածում քննվում են բազմադարյան հայ պոեզիայի մասին Վալերի Բրյուսովի քննադատական հայացքները նշանավոր «Պոեզիա Արմենիի» անթոլոգիայի (Մոսկվա, 1916) 100-ամյակի կապակցությամբ: Բնութագրվում են հեղինակի ինչպես ընդհանուր դատողությունները, այնպես էլ հայ բանաստեղծներին տրված գնահատականները: Չուզահեռ ներկայացվում են հայ գրականագետների կարծիքները Վ. Բրյուսովի այս կամ

²² Джрбашян Эд. Поэмы Туманяна. Ер., 1964, с. 162 (на арм.яз). Об этом же см. в книге автора, изданной на рус. яз.: «Поэзия Туманяна». М., «Художественная литература», 1969, с.94.

այն դիտարկման մասին: Յույց է տրվում, որ բրյուսովյան կարծիքներից և գնահատականներից շատերը, որոնց բնորոշ է հայ պոեզիայի խոր ընկալումը, վառ, դիպուկ, պատկերավոր լեզվուն, այսօր էլ՝ մեկ դար անց, չեն կորցրել իրենց իմացական ու գրականագիտական արժեքը:

Բանալի բառեր – *անթոլոգիա, 100-ամյակ, Բրյուսով, հայ պոեզիա, քննադատական գնահատականներ, հայ գրականագետների կարծիքներ, արդիականություն*

MAGDA JANPOLADYAN – *Valery Bryusov's Evaluations on Armenian Poetry a Century Later.* – The article is written on the occasion of 100th anniversary of the famous anthology called “Poetry of Armenia” (M., 1916). The author considers the critical evaluations of V. Bryusov on the centuries-old Armenian poetry – general observations and characteristics, as well as views on different works of some poets. As well the author presents how Bryusovs evaluations were perceived by Armenian literary scholars. Many Bryusovs evaluations with their deep penetration to the world of Armenian poetry, their precision and brightness, have not lost, even today, a century later, the scientific and critical value and still remain relevant.

Key words – *Anthology, 100th anniversary, Bryusov, Armenian poetry, critical evaluations, opinions of Armenian literary scholars, relevance*

МОТИВ ОБМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ С. ДОВЛАТОВА

ГАЛИНА ДОБРОЗРАКОВА (Самара)

Мотив обмана является одним из основных в творчестве Сергея Довлатова, и тема эта поистине неисчерпаемая. Интересную классификацию частных вариантов обмана дает Б.Ф. Егоров в монографии «Обман в русской культуре», указывая при этом, что далеко не все из них «нравственно негативны, большинство из них связано, наоборот, с позитивным обманом, с художественным творчеством»¹. Выделим из этой классификации те виды обмана, которые были характерны для довлатовского творчества: иллюзия (самообман, когда кажущееся принимается за действительное), мистификация (обманное создание текста, выдумка мифического автора), розыгрыш (операция с ложным сообщением), «художественная обманность».

Литературоцентризм, вера в могущество слова² порождали у Довлатова иллюзию того, что творчество может ослабить трагизм существования. В этом убеждении проявляются и черты шопенгауэризма Довлатова, который в молодости, по словам А. Ю. Арьева, Шопенгауэра «читал с вниманием»³. Уже в повести «Зона» (1982) слово становится для автора способом противостояния миру: его герой с помощью слова переводит кошмарную реальность в текст, тем самым спасаясь от нее, получая эстетическое отстранение. В повести «Заповедник» (1983) Довлатов отождествляет своего автопсихологического героя с Пушкиным, показывает обряд посвящения Алиханова в писатели. Уход в творчество ненадолго помогает ему приобрести смысл в жизни, восстановить утраченную гармонию. А в повести «Ремесло» (1985) Довлатов, как отмечает А. Г. Глушкова, приходит к выводу: в этой жизни «остается только писание для себя невидимых книг, а также издание невидимых газет, без надежды на признание, богатство. Писать – значит осуществлять себя. <...> В “Ремесле” слово выступает как средство познания себя и других, позволяет сформулировать свое отношение к жизни»⁴.

---

¹ Егоров Б. Ф. Обман в русской культуре. СПб.: «Росток», 2012. с. 62.

² По воспоминаниям М. Зайчика, именно Довлатову принадлежали слова: «...отдали душу не Богу небесному, не любви, не жене, не Родине, а слову. И это навсегда». (Зайчик М. Не долететь до середины Днепра // Петрополь. Альманах № 5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994, с. 210.)

³ Арьев А. История рассказчика // И. Сухих. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: РИЦ «Культ - Ин-форм - Пресс», 1996. с. 8.

⁴ Глушкова А. С. Проблема сущности творчества (ремесла) в повести С. Довлатова

При создании текстов, и публицистических, и художественных, Довлатов не раз прибегал к различным мистификациям. Например, Александр Генис упоминает, что Довлатов однажды написал письмо в редакцию, воспользовавшись «маской выдуманного им доцента Минского пединститута», чтобы сказать «о себе то, что хотел бы услышать от других: “Довлатов-рассказчик создает новый литературный жанр. Документальная фактура его рассказов – лишь обманчивая имитация. Автор не использует реальные документы. Он создает их художественными методами. То есть сама документальность – плод решения эстетической задачи. И как результат – двойное воздействие. Убедительность фактографии помножается на художественный эффект”⁵.

Зарабатывая на жизнь журналистской работой, в периодической печати Довлатов часто выступал под псевдонимами. Бывший сотрудник газеты «За кадры верфям» В.В. Степанов указывает на довлатовский псевдоним Сергеев⁶, соредатор журнала «Звезда» А. Ю. Арьев – на псевдоним Адер. На самом деле вымышленных фамилий, которыми подписывался Довлатов, было гораздо больше: Муст, Кивистик, Сильд и другие⁷ (работа по выявлению довлатовских псевдонимов ждет своего продолжения). Скрывался он за ними, отчасти подражая известнейшим литераторам, пользовавшимся литературными масками, отчасти поддерживая традиции советской журналистики, когда с помощью публикаций под чужими фамилиями создавалась видимость большого числа сотрудников.

Газетные тексты Довлатов тоже нередко создавал на основе вымысла. Так, в газете «Советская Эстония» за 30 августа 1973 г. были опубликованы материалы рубрики «Гости Таллина⁸», подписанные довлатовским псевдонимом С. Адер:

«Каждый день прибывают в Таллин поезда и самолеты. Сотни и тысячи пассажиров растворяются в уличном потоке. Кто же они, эти люди, что привело их в наш город, каковы их первые впечатления?..

Мы обратились с этими вопросами к нескольким гостям Таллина⁹.

О том, что интервью с «гостями Таллина» – Зинаидой Тольман (начальником планового отдела Пермского СМУ № 2), Алдоной Гусевой (студенткой Рижского сельхозтехникума), Александром Есауленко (ленинградским художником), Сереем Знамеровским (десятиклассником из г. Жданова), Иваном Сабилло (кандидатом биологических наук из Минс-

---

«Ремесло» // Русская литература в современном культурном пространстве: материалы юбил. конф., посвящ. 100-летию Том. гос. пед. ун-та и 70-летию филол. фак-та ТГПУ, 2-3 ноября 2000 г. Томск: ТГПУ, 2001, с. 111, 112.

⁵ Генис А. А. Довлатов и окрестности. М.: «Вагриус», 2004, с. 102.

⁶ См.: Челнокова Н. Каким он был на самом деле... // Аврора. 2007, № 4, с. 45.

⁷ См.: Доброзракова Г. А. Псевдонимные юморески и фельетоны Сергея Довлатова: к вопросу атрибуции // Вопросы литературы. 2014, № 4, с. 21–53.

⁸ Здесь сохраняется орфография советского времени.

⁹ Адер С. Работать и отдыхать // Сов. Эстония. 1973, 30 авг., с. 4.

ка) - вымышлены автором, свидетельствуют два факта. Во-первых, воспоминания Тамары Зибуновой, которая пишет: Довлатов «изобрел рубрику “Гости Таллинна”, а самих гостей по большей части выдумывал. У моих приятелей Ольманов была доберманша Алдона. Появляется репортаж: “Гость из Риги – Альдона Ольман”. Примерно такие гости и посещали Таллинн»¹⁰. Во-вторых, известно, что приятель Довлатова Иван Сабило (его фамилию в газете Довлатов воспроизводит не совсем точно), которого автор делает «гостем Таллина», не был кандидатом биологических наук (М. Зайчик писал о нем: «тренер по боксу по профессии, писатель-юморист по призванию»¹¹).

С точки зрения теории журналистского творчества вымысел в публицистике недопустим, т. к. нарушается принцип правдивости. Но Довлатов здесь ориентировался на советскую действительность: в СССР царил система обмана, борьбы за «дутые» показатели, что отражалось в средствах массовой информации. Практиковались и публикации журналистом материалов от имени специалистов разных профилей. Не случайно период работы в эстонских газетах Довлатов назвал годами «вранья и притворства»¹².

Невинным обманом можно назвать розыгрыши Довлатовым своих друзей и знакомых. В частности, в газете «Советская Эстония» от 1 апреля 1973 г. была опубликована юмореска «С Ивановым шутки плохи». Герой (повествование ведется от 1 лица) пытается разыграть своего приятеля Иванова и говорит, что у того на двое суток отключат телефон, номер которого 661-929. Герман Ашкинази в своих воспоминаниях повествует о любопытном факте: указанный номер телефона принадлежал эстонскому коллеге Довлатова – Михаилу Рогинскому, впоследствии рассказавшему Ашкинази, что произошло после выхода газеты. «Буквально в тот же день начались телефонные звонки. Звонили совершенно незнакомые люди с выражением искреннего сочувствия носителю таких напастей, свалившихся в одночасье на голову хорошего человека. Люди не только сочувствовали, но и предлагали свою помощь. Телефонное начальство извинялось за допущенную ошибку и обещало провести расследование и примерно наказать почему-то телефонистку. Портные лучшего ателье предлагали сшить бесплатно костюм из сэкономленного сукна. Администрации нескольких столовых предложили льготные месячные абонементы. И, конечно, женщины... Одни предлагали скрасить одиночество, другие помочь по хозяйству. И все это бескорыстно. Некоторые приходили без приглашения, и

---

¹⁰ Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. СПб.: Амфора. 2009, с. 188.

¹¹ Зайчик М. Не долететь до середины Днепра // Петрополь. Альманах № 5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994, с. 207.

¹² Довлатов С. Компромисс // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 1, с. 230. Далее цитируется по этому изданию. Том и страницы указываются в скобках.

тут же начинали наводить порядок. При этом возрастной диапазон, как, впрочем, и национальный, был достаточно широк, не говоря о внешних данных.

Вначале это нравилось. Приятель даже подыгрывал, позволяя за собой ухаживать. Довольно быстро эта коллективная или индивидуальная опека стала надоедать. Наконец, жизнь стала совсем невыносимой. Миша начал грубить. Но поток не иссякал. Окончательно в начале моего визита его доконали делегаты пионерской организации соседней школы, торжественно известившие, что тамошняя тимуровская команда включила его в список своих подопечных»¹³.

Розыгрыш на этом не закончился. Через полтора месяца Довлатов опубликовал в юмористической рубрике «Пчелка» газеты «Вечерний Таллин» юмореску «Иванов не виноват!» - с тем же героем и тем же номером телефона:

«Зазвонил телефон. Иванов поднял трубку.

– Это ты, негодяй? – спросил женский голос.

– Я, – сказал Иванов уныло.

– Ты прячешься от меня! Ты не отвечаешь на звонки! Ты бросил женщину с ребенком! Ты лжец и клятвопреступник!

– Я не прячусь, дорогая, – забормотал Иванов и от сильной досады шевельнул пальцами ног, обутых в желтые импортные полуботинки, – у меня много работы. Я занят...

– Знаю я, чем ты занят, прохвост! Тебя видели с этой крашеной дылдой из варьете!

– Но пойми, это было чисто деловое свидание...

– Знаю, что у тебя за дела! А я-то верила этому жулику!

– Ну, не сердись, моя рыбка, надо все мирно обсудить...

– Не смей называть меня рыбкой! Не смей называть меня мышкой и киской! Называй меня пантерой! Я подаю на тебя в суд! Я обращусь к твоему директору, я пойду в местком!

– Зачем так спешить? – испугался Иванов.

– Я долго терпела, хватит! – выкрикнул женский голос, – Миньке не нужен такой отец!..

– Какому Миньке? – помедлив, спросил Иванов.

– Ты забыл имя родного сына, варвар!

– Но моего сына зовут Ленька, – возразил Иванов, – Ленька его зовут!

– Это 166-626?

– Нет, это 661-929!

– Извините, пожалуйста, – произнес женский голос.

– Да ничего, бывает, – сказал Иванов и вытер пот со лба.

---

¹³ Ашкинази Г. Шутка Довлатова. URL: <http://www.erik-as.livejournal.com>3932.html> (дата обращения 06.10.2016).

Зазвонил телефон...»¹⁴

Эти ранние журналистские произведения уже предвосхищают один из важнейших художественных принципов Довлатова – псевдодокументализм, о котором он сам говорил в приведенном выше письме в редакцию, а также в интервью, взятом у писателя Джоном Глэдом: «Дело в том, что жанр, в котором я ... выступаю, это такой псевдодокументализм. Когда все формальные признаки документальной прозы соблюдаются, то художественными средствами ты создаешь документ... И у меня в связи с этим было много курьезных ситуаций, когда люди меня поправляли. <...> Во всяком случае, правды и документальной правды и точности в моих рассказах гораздо меньше, чем кажется. Я очень многое выдумал»¹⁵. По словам петербургского писателя Валерия Попова, не один Довлатов прислушивался в пору своего становления к совету драматурга Александра Володина: «Никогда не пиши, как было! Пиши только наоборот! Если она была брюнетка – пиши блондинку, если была зима – пиши лето»¹⁶.

Еще в конце 1990-х гг., анализируя современный литературный процесс, критик Наталья Иванова отмечала, что Довлатов создавал произведения с опорой на *factiion* и *non-fiction* и жанр «мемуаров» принес автору славу и успех. В таких «текстах, как правило, сочетаются реальные и вымышленные персонажи, вымышленные события накладываются на реальный антураж (и наоборот); узнаваемый автор-повествователь скрывается под легкой маской ... или вовсе не нуждается в ней... <...> жанр ... получил ... название <...> – жанр “довлатов”»¹⁷. В таком жанре «вранье», или гротесковое сатирическое заострение, служит художественным приемом, и назначение этого жанра – создание новой мифологии о времени, о своем поколении, о себе.

Итальянский довлатовед Лаура Сальмон относит принцип «автобиографического искажения» к особенностям поэтики и стиля Довлатова и, анализируя специфические приемы фальсификации фактов, обращает внимание на то, что действительность искажается путем юмористической обработки жизненного материала, близко знакомого автору¹⁸.

На основе исследований довлатоведов и собственных наблюдений составим своеобразную классификацию приемов, с помощью которых писатель находил соотношение факта и вымысла, в наибольшей степени соответствовавшее его творческой индивидуальности и поставленной художественной задаче.

---

¹⁴ Довлатов С. Иванов не виноват! // Вечерний Таллин. 1973, 16 мая, с. 3.

¹⁵ Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991, с. 90.

¹⁶ Попов В. Довлатов. М.: Молодая гвардия, 2010, с. 204-205.

¹⁷ Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998, № 4, с. 198.

¹⁸ Сальмон Л. Автобиографическое искажение как мера эстетической истины: о поэтике Сергея Довлатова // Сергей Довлатов: лицо, словесность, эпоха: итоги Второй междунард. конф. «Довлатовские чтения». СПб.: «Звезда», 2012, с. 142.

Формальный прием употребления в одном предложении слов, начинающихся с разных букв.

Об этом приеме, уберегающем «от многословия и пустоты», Довлатов сообщает в письме Науму Сагаловскому от 21 июня 1986 г.: «... вот уже лет шесть я пишу таким образом, что все слова во фразе начинаются у меня на разные буквы. Даже предлоги не повторяются. Даже в цитатах я избегаю двух слов на одну букву в одной фразе»¹⁹. Действительно, в «Заповеднике», например, искажается пушкинская цитата: «Не зарастет священная тропа!» (2; 186) (у Пушкина – «народная тропа»).

Ради «торжества стиля», вспоминает Петр Вайль, «Довлатов, всегда и все писавший по фактической канве, без колебаний менял факт – самым вопиющим образом – если факт начинался с неподходящей буквы. Понятно, что чаще всего насилью подвергались числительные и имена собственные»²⁰.

Использование имен собственных – подлинных и выдуманных.

В большинстве случаев Довлатов оставлял изображенных в произведениях своих знакомых с их настоящей фамилией, иногда переименовывал. Интересна история переименования персонажа из первой новеллы «Зоны». Как рассказывает Зибунова, в армии Довлатов служил вместе с эстонцем Калью Сарапуу, ставшим прообразом героя рассказа «Иностранец», написанного «до свидания СД с Таллином. Т.е. по армейским впечатлениям. В первоначальном варианте это был не Густав Пахапиль. А Калью Сарапуу. Вроде бы житель Пярну. Во всяком случае, СД предпринял попытку даже разыскать его. Пахапиль же был моим однокурсником и коллегой»²¹.

Фамилии персонажей, имевших реальных прототипов, по мнению Довлатова, при изменении должны были быть созвучны фамилиям исторических лиц или узнаваемы по каким-либо ассоциациям. Так, в «Компромиссе» журналист Михаил Рогинский выведен под фамилией Шаблинский, доярка Лейда Пейпс превращается в Линду Пейпс; в «Филиале» писатель Василий Аксенов – Ванька Самсонов, профессор Серман – Шерман, литературовед Эткинд – Эрдман, правозащитники Шрагин и Литвинов – Шагин и Литвинский, писатель Юз Алешковский – Юзовский, поэт Наум Коржавин – Рувим Ковригин, Андрей Синявский – прозаик Беляков, писатель Панаев – Виктор Некрасов, жена Аксенова, Майя Кармен, – Рашель.

Встречаются случаи, когда вымышленная фамилия ничего общего не имеет с фамилией прототипа. Например, глава «Компромисс пятый» из

---

¹⁹ Довлатов С. Письма к Науму Сагаловскому // Довлатов С. Сквозь джунгли безумной жизни. Письма к родным и друзьям. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003, с. 239.

²⁰ Вайль П. Без Довлатова. URL: http://www.sem40.ru/famous/pis30_1.htm (дата обращения 09.03.2013).

²¹ URL: <http://www.th3.livejournal.com/40642.html> (дата обращения 15.10.2012).

«Компромисса», написанная Довлатовым на основе публикации М. Гати «Здравствуй, четырехсоттысячный!» («Советская Эстония», 1973, 25 окт.), рассказывает о рождении сына в семье токаря и водителя автокары Кузиных – на самом же деле новорожденный появился в семье шофера Юри Симсалу и воспитательницы детского сада Лийны Симсалу.

На материале повести «Компромисс», где много эстонских названий, интересно проследить и соотношение реально существующих и вымышленных топонимов. В основном имена собственные Довлатов переводит с латиницы на кириллицу без изменений звукового состава. Однако некоторые эстонские названия Довлатовым искажаются:

«...из курортного местечка Азалемма...» (1; 262) – речь должна идти о волости Вазалемма на севере Эстонии, в которую входит и одноименный поселок²².

«← Спите, а мы Ыхью проехали...» (1; 297). По одной версии (по материалам форума) – это Пыхью, район на севере Таллинна; по другой (по мнению таллиннского старожила Калле Каспера) – Йыхви, небольшой городок, стоящий на слиянии дорог из Таллинна и Тарту в Нарву, но это совсем иное направление, чем путь в Пайде²³.

«Я пришел в кафе “Ройа”» (1; 324) – в действительности кафе «Рае» на Ратушной площади в центре Таллинна²⁴.

Кладбище Линнаметса (1; 383) – на самом деле оно называлось Метсакальмисту (Лесное кладбище)²⁵.

Изменение дат и фактических деталей. Примеров подобных изменений можно привести множество. Например, набранные курсивом в начале глав повести «Компромисс» отрывки из собственных публикаций в газете «Советская Эстония» приводятся Довлатовым под мистифицированными датами²⁶.

Другой пример: когда сестра Довлатова Ксана Мечик-Бланк послала опубликованный в «Новом американце» рассказ «Мой дед Исаак» родному брату Исаака Анисиму, тот сразу же обнаружил «ошибки». «Меня крайне удивляет, откуда Сергей знает биографию своего дедушки. Я не думаю, что Донат описал своего отца в такой темной краске. Он пишет, что дедушка был пьяница и обжора. Я вам представлю моего брата. Он был умный, развитой, приятный, интеллигентный человек. Я всегда завидовал ему, почему я не удался, как он. Сергей пишет, что он служил в ар-

---

²² Используются материалы форума «Перевод на латиницу эстонских имен у Довлатова» на сайте «Мультитран» 14–25 ноября 2006 г. URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=4...278&all...> (дата обращения 10.10.2012).

²³ Сухих И. Комментарии // Довлатов С. Лишний. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, с. 487.

²⁴ Там же, с. 488.

²⁵ Там же, с. 490.

²⁶ См.: Доброзракова Г.А. Таллиннский период в творческой биографии С. Довлатова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011, № 4, с. 41–49.

тиллерии. Неправда, он служил в пехоте. Он пишет, что Исаак получил 3 медали, что царь приехал на Дальний Восток осмотреть армию. Царь сидел в Петербурге во время русско-японской войны. Сергей пишет, что дедушка зарабатывал на жизнь, починяя часы. Для того, чтобы разобрать часы и составить, нужно идти в часовую школу на 5 лет. Он такую школу не посещал. Он пишет, дедушка был наполовину еврей, наполовину русский. Мы оба родились от одной матери. Она была еврейка...»²⁷

Мечик-Бланк рассказывает, что, «создавая литературный портрет дедушки, Довлатов не просто менял факты. Он вносил в этот рассказ детали из собственной жизни. Так, история с американскими раскладушками, которые трижды ломались, как только дед на них укладывался, – вымысел. Но интересно другое – когда, учась в университете, Сережа какое-то время жил у своих родителей, однажды случился конфуз: ножки тахты, на которой он спал, не выдержали, кровать проломилась под ним»²⁸.

Прием повторов. Микроновеллы в разных художественных текстах повторяются с незначительными (на уровне стилистики) или с весьма существенными (на уровне композиции, состава персонажей) вариациями.

Приемы игры:

установка не на фактическую, а на психологическую достоверность, как это свойственно поэтике жанра анекдота (например, есть у Довлатова совершенно невероятная даже для литературного анекдота выдуманная ситуация о том, как Битов якобы побил Вознесенского);

создание «поведенческого текста» (Ю.М. Лотман), имеющего аналогом текст художественный, с которым он переплетается; например, когда автопсихологический герой ведет себя так, как вел себя лермонтовский Печорин («Зона») или как герой хемингуэвской «Фиесты» Джейк Барнс («Филиал»);

«контрплагиат» (Л. Сальмон), когда Довлатов присваивает сочиненное им другому автору (например, в «Зоне» строфа из армейского стихотворения «Дамское танго» приписывается Леониду Маку).

Мифологизация:

создание миниатюрного повествования об исторической личности на основе реальных и вымышленных фактов одновременно, что делает личность мифологичной, поскольку она становится принадлежащей и миру действительности, и миру воображения («Записные книжки»);

конструирование автомифа: встреча в младенчестве с писателем А. Платоновым («Ремесло»), выстраивание сюжета собственной жизни по образцу пушкинской («Заповедник»).

Итак, с точки зрения поэтики, Довлатову была свойственна «художественная»

---

²⁷ Мечик-Бланк К. // Звезда. 2008, № 1, URL: <http://www.magazines.russ.ru> Звезда (дата обращения 22.02.2013).

²⁸ Там же.

жественная обманность», вместе с тем писатель создал великолепные образцы сатиры, направленной против обмана, царившего в советском обществе. Необходимо, правда, отметить, что мотив обмана, являясь основным для многих довлатовских текстов, в ранних и поздних произведениях писателя звучит по-разному.

Так, рассказ для детей «Человек, которого не было» – один из немногих рассказов, напечатанных в Советском Союзе еще при жизни там автора, посвящен разоблачению мошенничества одного из центральных персонажей – Альберта Барбукина. Этот цирковой артист, выступавший как иллюзионист под именем Альберта Астанелли, придумал необыкновенный номер с двумя поднятыми на тросе сундуками. «Великий маг» «почти одновременно появлялся то из одного, то из другого сундука»²⁹. Цирковой трюк был создан за счет обмана зрителей: в одном из сундуков находился Василий, которого Астанелли превратил в своего двойника, заставив его жить тайной жизнью и оплачивая ему работу связкой баранок в день. «Так Василий поселился в большом кованом сундуке. Он слышал аплодисменты, но это его не радовало. Он чувствовал себя очень одиноким. Иногда он тайно вылезал из сундука, гладил лошадей и разговаривал с тиграми. Он перестал улыбаться. Он превратился в след пролетевшего облака, в звук падающего снега и значил не больше, чем те слова, что написаны прутиком на воде. Он стал меньше тени, у него не было ни имени, ни лица, несмотря на то, что его лицо смотрело со всех афиш, а выдуманное имя повторялось на каждом шагу»³⁰.

Школьник Коля Булавкин, который с детских лет мечтал стать артистом цирка, проник за кулисы, чтобы увидеть знаменитого Астанелли и посоветоваться с ним о том, как добиться исполнения своей мечты. Коля узнал об истории двух братьев и с трудом уговорил Василия убежать из плена.

Сохранив сюжет, но изменив имена героев, Довлатов создает по этому рассказу драматическую сказку в двух действиях под названием «Человек, которого не было. Пьеса для младших школьников с фокусами, но без обмана». В пьесе школьник Минька Ковалев помогает разоблачить знаменитого циркового артиста Луиджи Драндулетти, выполнявшего затейливые трюки-исчезновения с помощью брата-близнеца Николая Барбукина. Однако и сам Минька, как Драндулетти, стремится достичь известности с помощью обмана. Минька считает своим рекордным трюком «неподвижное сальто»³¹, умеет «ходить по проволоке, которая лежит на земле» (с. 16),

---

²⁹ Довлатов С. Человек, которого не было // Дружба: лит.-худ. сб. Л.: Дет. лит., 1971, с. 132.

³⁰ Там же, с. 137.

³¹ Довлатов С. Человек, которого не было. Пьеса для младших школьников с фокусами, но без обмана // Материалы архива Псковского театра кукол, с. 16. Далее цитируется по этим материалам, страница указана в скобках.

дрессирует невидимого микроба Фердинанда: «Фердинанд, вылезай из кармана! Продемонстрируй, на что ты способен. (Обращается к Цымбе.) Фердинанд – послушный и дисциплинированный микроб. Он ходит по канату, танцует вальс и прыгает через обруч. Жаль, что публика этого не видит – Фердинанд исключительно мал» (с. 16). С помощью слов «укротитель», «жонглер», «фокусник» Минька оправдывает все свои неблагоприятные поступки: «Сначала я решил быть укротителем. Начал укрощать Вовку Цурикова, отличника. А учительница мне за поведение четверку вкатила. Тогда я решил жонглером стать. Жонглировал на перемене цветочными горшками. Учительница мне четверку на тройку переправила. Тогда я подумал, не стать ли мне фокусником. И такой фокус придумал – завел второй дневник. Один – для учительницы, второй – для папы с мамой. В одном тройки, в другом – сплошные пятерки» (с. 10).

Эти ранние произведения Довлатова носят чисто дидактический характер, мораль в них выражена напрямую: нельзя обманывать, нельзя и потворствовать обману. В конце рассказа выводится мораль: каждый, у кого есть мечта, должен стремиться приблизиться к ней, никогда ей не изменять и слушаться старших. Примером для всех школьников должно стать поведение Коли Булавкина, который решил: «У меня есть мечта, и мне нельзя от нее удаляться.

– Главное – хорошо учиться, – сказала мама.

– И заниматься спортом, – добавил папа.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Коля, – сяду-ка я за уроки.

Так он и сделал»³².

Спектакль же заканчивается исполнением героями финальной песни:

Нет двойников, все это ложь,

Ни на кого ты не похож,

У каждого свои дела и мысли,

Не могут даже близнецы

Похожи быть, как леденцы

Или как два ведра на коромысле... (с. 20-21).

Мотив обмана является основным в повести «Компромисс», ставшей непревзойденной иллюстрацией к обыденной ситуации двоемыслия, которая царил в то время в обществе, и запечатлевшей амбивалентность как нравственное состояние целого народа. Протестуя против обмана и лицемерия, Довлатов следует традициям автора «Мертвых душ» и «Ревизора» - Н. В. Гоголя. Талантливо используя в художественном произведении материалы газетной публицистики, Довлатов вскрывает лживость советской журналистики, разоблачает социалистические ритуалы. Долгое время считалось, что набранные курсивом в начале каждой главы тексты-выдержки

---

³² Довлатов С. Человек, которого не было // Дружба: лит.-худ. сб. Л.: Дет. лит., 1971, с. 138.

из таллинских газет придуманы автором. Однако материалы газет «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» и «Вечерний Таллин» свидетельствуют о том, что в большинстве случаев Довлатов использовал подлинные или незначительно переделанные тексты – свои и своих коллег.

Двенадцать новелл, объединенных в единое целое, – это эпизоды из жизни автопсихологического героя, журналиста Довлатова. Несколько глав повести посвящены раскрытию базирующихся на коммунистической идеологии законов построения «советского» текста. В «Компромиссе первом» речь идет о том, что если при перечислении стран корреспондент нарушал заведенный ритуальный порядок, продиктованный классовым подходом (сначала должны называться социалистические страны, но не по алфавиту, а по степени их лояльности, затем – нейтральные государства и в последнюю очередь – «участники блока»), то это расценивалось как «политическая близорукость», «нравственный инфантилизм» (1; 232). В «Компромиссе четвертом» показано, что слова с отрицательной эмоциональной окраской нельзя было использовать в тексте, каким-либо образом касавшемся любой социалистической республики или проживавшего в ней народа. Стихи, которые сочинил журналист Довлатов для рубрики, предназначенной русскоязычным читателям-детям: «У опушки в день ненастный / Повстречали зверя. / Мы ему сказали: “Здравствуй!” / Зверь ответил: “Тере!”, – инструктор ЦК партии назвал «шовинистической басней». «Зверь» не может говорить по-эстонски – «пусть говорит на языке одной из капиталистических стран» (1; 246). В «Компромиссе пятом», посвященном созданию ритуала празднования юбилея освобождения Таллина (именно к этому дню в столице Эстонии должен был родиться четырехсоттысячный житель), рассказывается о наставлениях главного редактора газеты: «младенец должен быть публикабельным» (1; 249). А это означало, что он должен был родиться в рабочей семье и родители обязаны были назвать его старинным эстонским именем Лембит.

Одной из главных проблем для советского журналиста был выбор героя. В «Компромиссе шестом» автор повествует, с каким трудом корреспондент радиопередачи «Встреча с интересным человеком» искала подходящего героя, который должен был заниматься чем-то «значимым в социальном отношении» (1; 271). «Выбор героя – серьезное дело, чрезвычайно серьезное» (1; 288), – учил журналиста Довлатова редактор Туронок. В новеллах Довлатова-писателя разоблачаются все герои и героини, о которых он и его коллеги писали в газете. Никто из этих героев и героинь, по сути, не был достоин звания настоящего советского человека, которому предписано было иметь только положительные черты. Так, в «Советской Эстонии» за 31 августа 1973 г. под псевдонимом «С. Адер» была напечатана заметка Довлатова «Соперники ветра», посвященная 50-летию Таллинского ипподрома. В «Компромиссе втором» автор разоблачает героев,

про которых он написал эту заметку: спортсмены-наездники помогали своим знакомым делать выгодные ставки на бегах, получая от этого доход. Молодой, подающий надежды Анатолий Иванов «сломал ногу и обе ключицы. Лошади тут ни при чем. Он выпал пьяный из такси. С ипподромом было покончено. Уже несколько лет “соперник ветра” работает барменом в Мюнди» (1; 234). В «Советской Эстонии» от 18 октября 1973 г. был напечатан очерк Довлатова «Наряд для марсианина» о закройщике-модельере Русского драматического театра ЭССР Вольдемаре Сильде. В главе «Компромисс седьмой» рассказывается, что безукоризненно работавший «портной, художник, человек театра» (1; 287) служил в годы войны немцам, за что провел двенадцать лет в заключении. «Компромисс девятый» предваряет очерк Довлатова «Самая трудная дистанция», появившийся 14 июня 1973 г. в газете «Советская Эстония» под псевдонимом «С. Адер». Героиня очерка – член КПСС, аспирантка, спортсменка Тийна Кару – предстает перед читателями повести личностью аморальной, решившей на практике изучить технологию секса; так довлатовская новелла опровергает утверждение, что «в СССР секса не было»³³.

«Компромиссу одиннадцатому» предшествует газетное сообщение о смерти и похоронах директора телестудии, Героя Социалистического Труда Хуберта Вольдемаровича Ильвеса. В этом тексте прослеживаются аллюзии на материалы газет «Молодежь Эстонии» от 5 марта 1974 г.³⁴ и «Вечерний Таллин» от 7 марта 1974 г.³⁵, где были опубликованы некрологи о смерти члена ЦК КП Эстонии, председателя Государственного комитета Совета Министров ЭССР по телевидению и радиовещанию Энделя-Иоганнеса Янимяги (вымышленным в «Компромиссе» остается только имя покойника). «Могильный холм утопает в многочисленных венках» («ВТ») – «Под звуки траурного марша видные представители общественности несут украшенный многочисленными венками гроб с телом покойного» (1; 365); «От имени коллег и боевых товарищей Энделя-Иоганнеса Янимяги прощальное слово произнес заместитель министра культуры ЭССР Р. Вийес» («ВТ») – «Над свежей могилой звучат торжественные слова прощания...» (1; 365); «Светлая память об Энделе-Иоганнесе Янимяги – верном сыне Коммунистической партии – навсегда сохранится в наших сердцах» («МЭ») – «Память о Хуберте Ильвесе будет вечно жить в наших сердцах» (1; 365). Торжественности и пафосности сообщения противопоставлен весь ритуал похорон, воспроизведенный писателем. Почти-тельное отношение к высокопоставленному советскому деятелю подвер-

---

³³ Крылатая фраза, источником которой послужило высказывание одной из советских участниц телемоста Ленинград — Бостон («Женщины говорят с женщинами»), записанного 28 июня и вышедшего в эфир 17 июля 1986г. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%82

³⁴ Некролог о смерти Энделя-Иоганнеса Янимяги // Молодежь Эстонии. 1974, 5 марта, с. 4.

³⁵ Похороны Энделя-Иоганнеса Янимяги // Вечерний Таллин. 1974, 7 марта, с. 3.

гается профанации, что проявляется в бесчисленных подменах и путанице, в циничных словах похоронной речи и в открытом признании: Ильвес обладал такими нравственными качествами, что от него отвернулись «родные и близкие»: «откровенно говоря, его недолюбливали» (1; 386).

Довлатов, на себе испытавший необходимость творить миф из повседневных событий, показывает обостренное чувство несвободы у журналистов, вынужденных идти на компромиссы ради публикации своих статей. Только у Буша, героя десятой новеллы, компромиссы вызывают протест; он не способен угождать начальству, из-за чего лишается работы. В конце последней главы журналист Довлатов тоже принимает однозначное решение: «...я прощаюсь с журналистикой. Хватит!» (1; 395). Период работы в партийных изданиях стал для него годами «вранья и притворства» (1; 230). Не случайно в «Компромиссе третьем» упоминается Хлестаков: «Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет! Раньше ввали, что есть жених, миллионер и коннозаводчик. Теперь врут про югославского режиссера. Когда-то человек гордился своими рысаками, а теперь... вельветовыми шлепанцами из Польши. Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге, а мой знакомый Геныч вернулся из Москвы подавленный и тихий – Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе» (1; 238).

В этой главе наблюдается непосредственная текстовая переключка с гоголевской пьесой «Ревизор». Говорить о хлестаковщине заставляет героиня новеллы, Алла Мелешко, приехавшая из Двинска в гости к Мите Кленскому. По мнению журналиста Довлатова, Алла постоянно врала: рассказывала, что она учится в драматической студии: «Какая-то пантомима, югославский режиссер вызывает ее на съемки. Зовут режиссера Йошко Гати. Но какой-то “Интерсин” валюту не переводит...» (1; 238), что красящий шампунь ей прислала американская актриса Одри Хепберн. В результате Довлатов даже решил, что Аллу «вовсе не Аллой звали» (1; 238), т.е. что она самозванка, как гоголевский персонаж.

Между Аллой и Хлестаковым много общего: Хлестаков «одет по моде»³⁶, Алла – из тех девушек, которые «с чудовищными усилиями, ценою всяких жертв обзаводятся... импортными сапогами» (1; 237). Хлестаков – «тоненький, худенький» (с. 38), Алла – «в громадной коленкоровой шляпе, тоненькая, этакая сыроежка» (1; 243). «Хлестаков – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими» (с. 38–39), Алла – из таких молодых женщин, которых можно назвать «беспечные» (1; 237). Хлестаков появляется в уездном городе проездом из Петербурга в Саратовскую губернию, Алла появляется в Таллинне проездом из Двинска в Саратов. Хлестаков «в дороге совсем издержался» (с. 90), у него «нет ни копейки» (с. 63). Он просит у городничего: «Мне бы только рублей двести или хоть

---

³⁶ **Гоголь Н.В.** Ревизор // Гоголь Н.В. Избранное: В 2 т. М.: АО «Прибой», 1994. Т. 1, с. 39. Далее цитируется по этому изданию.

даже и меньше» (с. 63). О том, что у Аллы нет денег, Довлатову сообщает машинистка Вера Хлопина: «Алке деньги нужны. Ей улететь не на что. <...> Хотя бы тридцать» (1; 243).

Но в главе «Компромисс третий» наблюдается и выворачивание гоголевского текста наизнанку. Хлестаков мечтает съесть во время обеда пирожное (с. 61) – Алла пьет чай с пирожными во время завтрака (1; 242). В «Ревизоре» городничий «вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр» (с. 53), в «Компромиссе» Алла появляется «в громадном коленкором сомбреро» (1; 242) (эта деталь напоминает и шляпу другого героя – Подколесина – из гоголевской «Женитьбы»). У Гоголя городничий рассказывает, будто Хлестаков его «напугал: говорил, что застрелится» (с. 114), если ему не разрешат жениться на Марье Антоновне, у Довлатова – Вера рассказывает, что Аллин жених «повесится, если она не вернется» (1; 264). Если Хлестакова городничий и чиновники снабжают деньгами, то Алле их никто не дает «взаймы». Но героиня все-таки получает деньги – за интервью, будто бы взятое у нее журналистом Довлатовым.

Конечно, Алла – это Хлестаков в миниатюре, и весь рассказ Довлатова можно было бы принять за пародию на Гоголя. Однако самое парадоксальное в том, что в роли Хлестакова выступают и журналисты: Буш выдумывает «от начала до конца» интервью с капитаном торгового судна ФРГ, Довлатов дает положительную рецензию на неудавшийся спектакль по произведению Хемингуэя, публикует интервью с Аллой Мелешко, где нет ни слова правды. Все советские журналисты сродни гоголевскому персонажу.

В другом произведении - повести «Заповедник» - Довлатов выступает против создания в Пушкинском заповеднике обстановки, не соответствующей стилю жизни Пушкина, против подмены реальных вещей (и в более широком смысле – настоящих духовных ценностей) неподлинными.

Автопсихологический герой Довлатова – экскурсовод Борис Алиханов – стремится разоблачить обман:

«– Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея – подлинные?

– Разве это важно?

– Мне кажется – да. Ведь музей – не театр.

<...>

– Что конкретно вас интересует? Что вы хотели увидеть?

– Ну, личные вещи... Если таковые имеются...

– Личные вещи Пушкина?... Музей создавался через десятки лет после его гибели...

– Так, – говорю, – всегда и получается. Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи...» (2; 195).

«– Этажерка – настоящая?

– По крайней мере – той эпохи.

– А портрет Байрона?

– Настоящий, – обрадовалась Виктория Альбертовна, – подарен Вульфом... Там имеется надпись... Какой вы, однако, привередливый. Личные вещи, личные вещи... А по-моему, это нездоровый интерес...

Я ощутил себя грабителем, застигнутым в чужой квартире.

– Какой же, – говорю, – без этого музей? Без нездорового-то интереса? Здоровый интерес бывает только к ветчине...» (2; 196).

Об обстановке в пушкинском кабинете свидетельствуют воспоминания И.И. Пущина и М.И. Осиповой. «Комната Александра была возле крыльца, с окнами на двор... В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами...»³⁷; «...В...правой комнате, где был рабочий кабинет Александра Сергеевича, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашенный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты»³⁸. Однако директор заповедника С.С.Гейченко разрешает заполнить его множеством лишних вещей и делает это совершенно сознательно: «Пушкинский заповедник – это книга, только написана она не буквенными знаками, не словами, а вещами»³⁹. В связи с этим Ю.М. Нагибин отмечает в дневниковой записи от 20 июля 1979 г.: «Были в Тригорском и во вновь отстроенном Петровском: вотчине Ганнибалов. От последнего осталось двойственное впечатление: само здание достаточно убедительно, но набито, как комиссионный магазин, чем попало: павловские прелестные стулья и современный книжный шкаф, великое множество буфетов, даже в коридорах; подлинных вещей почти нет»⁴⁰.

В книге М.Я. Басиной «Там, где шумят Михайловские рощи» рассказывается, что из подлинных вещей Пушкина в музее остались только железная трость, подвесная книжная полочка красного дерева и подножная скамеечка⁴¹, А. М. Гордин добавляет к этому списку «гравированный портрет Байрона, три бильярдных шара с кием»⁴². Во время проведения экскурсии Алиханов старается обратить внимание слушателей как раз на те вещи Пушкина, которые действительно принадлежали ему: «Демонстрирую портрет Байрона, трость ...» (2; 211).

Особого разговора заслуживает упоминание в тексте довлатовской повести о мнимом портрете предка Пушкина – Ганнибала. Довлатов разоблачает легенду, родившуюся в 1880 г. и упрочившуюся за сто лет своего существования, о том, что на портрете изображен именно прадед поэта.

³⁷ Пущин И.И. Записки о Пушкине // Пущин И.И. Соч. и письма: в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 1, с. 67.

³⁸ Цит. по: Басина М. Я. Там, где шумят михайловские рощи. Л.: Дет. лит., 1962, с. 51.

³⁹ Гейченко С.С. Завет внуку: Новеллы о Михайловском. М.: Дет. лит., 1986, с. 5.

⁴⁰ Нагибин Ю.М. Дневник. М.: Книжный сад, 1996, с. 373.

⁴¹ Басина М.Я., указ. соч., с. 51.

⁴² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989, с. 6.

Сделанное в 1973 г. открытие, что на предполагаемом портрете А.П. Ганнибала изображен артиллерийский генерал И.И. Меллер-Закомельский, принадлежит Н.К. Телетовой, которая в 1975 г. выступила с докладом об атрибуции портрета в Пушкинском Доме и получила поддержку В.М.Глинки, Н.В. Измайлова, Н.А. Малеванова. На основании данных экспертиз портрета, проведенных в 1976, 1980, 1986 гг., и доклада Т.Г. Александровой, проанализировавшей высказанные в печати аргументы Н.К.Телетовой, Г.А. Лееца и В.М. Глинки, 21 февраля 1986 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина на специальном заседании, посвященном атрибуции портрета, было решено не выставлять его на экспозициях. Тем не менее упорным противником новой атрибуции портрета оказался А.М. Гордин (именно его работы о Пушкине были рекомендованы Алиханову для того, чтобы подготовиться к экскурсии), который в 1989 г. выпустил новое, дополненное, издание своей книги «Пушкин в Михайловском» (первый ее вариант появился еще в 1939 г.), где без всяких сомнений и знаков вопроса поместил пресловутый портрет артиллерийского генерала, выдавая его за предка Пушкина⁴³. В своей вышедшей в свет еще в 1983 г. повести «Заповедник» Довлатов посчитал необходимым пересказать историю вопроса о мнимом портрете Ганнибала и о безразличном отношении к этому сотрудников музея-заповедника:

«— ...Сняли портрет Ганнибала.

— Почему?

— Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский.

— Кто же это на самом деле?

— И на самом деле — Закомельский.

— Почему же он такой черный?

— С азиатами воевал на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени.

— Значит, правильно, что сняли?

— Да какая разница — Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фигу им Закомельский? Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала!» (2; 177–178).

Несмотря на царивший на всем заповедном пространстве культ поэта, никто из посетителей, как показывает автор «Заповедника», по-настоящему не знает пушкинских произведений. Когда Алиханов прочитал вместо стихов Пушкина, обращенных к няне, стихотворение С. Есенина «Письмо к матери», никто из экскурсантов не заметил подмены. «Все молчали. Лица были взволнованны и строги. Лишь один пожилой турист со значением выговорил:

---

⁴³ Телетова Н.К. О мнимом и подлинном изображении А.П. Ганнибала // Легенды и мифы о Пушкине: сб. ст. / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Академ. проект, 1999, с. 105–108.

– Да, были люди...» (2; 201).

Как свидетельствует Е. Рейн в своих воспоминаниях «Возразить нечего», опубликованных в газете «Московские новости», такой случай действительно произошел во время экскурсии для учителей Подмосковья»⁴⁴. Розыгрыш, продемонстрированный Довлатовым и в реальной действительности, и в повести «Заповедник», дал повод учредителям одного из интернет-сайтов провести аналитическую проверку, в результате которой обнаружилось, что наибольшим количеством респондентов есенинские строки из «Письма к матери» были восприняты в качестве пушкинских строк. Закономерно, что Довлатов предугадал результат этого эксперимента⁴⁵.

Обобщая вышеизложенный материал, необходимо сделать следующий вывод: мотив обмана в произведениях Довлатова звучит на разных уровнях, прежде всего, на уровнях их поэтики, проблематики и авторского мирозерцания. Склонный к мистификациям и розыгрышам в жизни, Довлатов внедряет их в качестве художественного приема и в свое творчество. Одной из главных особенностей довлатовского творчества был псевдодокументализм. Вместе с тем основой литературной работы для Довлатова стали почтительное отношение к слову, восходящее к традициям русских писателей-классиков и поэтов Серебряного века, а также писательская честность⁴⁶. Он не смог воспользоваться советом Даниила Гранина: «Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть» (3; 28). В своих произведениях, которые в эпоху соцреализма никогда не могли быть изданы на родине официально, поскольку затрагивали запретные для того времени темы, Довлатов, в основном с помощью иронического принципа повествования, разоблачает обман советской действительности.

Ключевые слова: *Довлатов, мотив обмана, иллюзия, мистификация, розыгрыш, псевдодокументализм, хлестаковщина, «Компромисс», «Заповедник»*

ԳԱԼԻՆԱ ԴՈՐԴՈՋՐԱՎՈՎԱ – Խարեւոյթյան մտտիվը Ս. Դովլատովի ստեղծագործութեան մեջ – Հոդվածը նվիրված է Ս. Դովլատովի ստեղծագործություններում հեղինակային աշխարհագրոգություն (պատրանք), պոետիկայի (միստիֆիկացիաներ, ծաղր, կեղծ-վավերագրականություն), պրոբլեմատիկայի (խորհրդային հասարակության կեղծության և երկդիմության մերկացում) մակարդակներում դրսևորվող խարեւոյթյան շարժառիթի քննարկմանը: Ուսումնասիրվել են խորհրդային պարբերականներում Ս. Դովլատովի հրա-

⁴⁴ **Рейн Е.** Возразить нечего // Московские новости. 1996, № 36, с. 24.

⁴⁵ См.: **Дочева К.Г.** Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004, с. 164.

⁴⁶ См.: **Доброзракова Г.А.** Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX – XX веков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012, с. 109-289.

պարակած նյութերը, ինչպես նաև «Մարդ, որը չի եղել» վաղ շրջանի պատմվածքի, «Մարդ, որը չի եղել. պիես կրտսեր դպրոցականների համար ձեռնածություններով, բայց առանց խաբեության» պիես-հեքիաթի, «Փոխզիջում» և «Արգելոց» վիպակների տեքստերը:

Բանալի բառեր – *Դովլատով, խաբեության մոտիվ, պատրանք, միստիֆիկացիա, ծաղր, կեղծ-վավերագրականություն, խլեստակովություն, «Փոխզիջում», «Արգելոց»*

GALINA DOBROZRKOVA – *The Motive of Deception in the Work of S.Dovlatov.* – The article is devoted to consider the motive of deception manifested in the works of Sergei Dovlatov on the levels of the author's worldview (illusion), poetics (mystification, jokes, pseudodocumentaries), problematics (disclosure of the Soviet society's falsity and doublethink). The author uses materials from Soviet periodicals, which published Dovlatov, as well as the texts of the early story "the Man who never was", play-tale "the Man who never was. A play for primary school children with magic tricks, but no deception", the stories "Compromise" and "Reserve".

Key words: *Dovlatov, the motive of deception, illusion, mystification, jokes, pseudodocumentaries, khlestakovshina, "Compromise", "Reserve"*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИРИНА ВЫСОЦКАЯ (Новосибирск)

*Вижу, старый да малый, пастухи костерок разжигают,
существительный хворост с одного возжигают глагола...*

Л. Лосев

В русле структурно-семантического направления¹ современной российской лингвистики мы рассматриваем систему частей речи как организацию взаимосвязанных и взаимодействующих дифференцированных единиц – с неизбежными для естественного образования синкретичными пересечениями.

Продемонстрируем этот подход на примере взаимодействия имени существительного и глагола, которые в системе частей речи современного русского языка наиболее отчетливо противопоставлены. Именно они, употребляясь в типичной синтаксической функции, образуют грамматический центр высказывания. По словам К.С. Аксакова, «слово как гармоническое сочетание Имени и Глагола есть речь». Антиномия «существительное – глагол» подкреплена связью с противоположными мыслительными операциями (употребление существительных связано с селекцией, а глаголов – с комбинацией) и соответственно – с двумя «полярными отделами мозга», отвечающими за выбор и сочетание. Об этом красноречиво свидетельствуют данные, приведенные Р.О. Якобсоном² в ходе изучения «динамических» и «семантических» нарушений при разных формах афазии.

Отмечая подобное «деление мира на два полюса» и в английском языке (существительные *house* "дом", *man* "человек" и глаголы *hit* "ударить", *run* "бежать"), Б. Уорф также обращает внимание на существование промежуточных ступеней. Он указывает на то, что «многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (например: *a hit* "удар", *a run* "бег" или *to man the boat* "укомплектовывать лодку людьми, личным составом")»³.

---

¹ См.: **Бабайцева В.В.** Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005. М. – Ставрополь, 2005, с. 455–466.

² См.: **Якобсон Р.О.** Лингвистические типы афазии // Роман Якобсон. Избранные работы. М., 1985, с. 298.

³ **Уорф Б.Л.** Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и

Однако это противопоставление оказывается существенным далеко не для всех языков. По мнению Л. Теньера, «большинство языков не обладают способностью различать понятия процесса и предмета. Они трактуют процесс как предмет, и следовательно глагол как существительное. В таких языках "любит" не отличается от "любовь"»⁴. В частности, близость глаголов и существительных, как отмечает исследователь, весьма наглядно проявляется в венгерском, турецком и египетском языках.

Между частями речи нет жестких границ, как нет их и в окружающем нас мире. Множество разнообразных переливов и переходов характеризует как систему языка в целом, так и уровень частей речи. В результате взаимодействия единиц языка возникают гибридные образования, сочетающие признаки разных частей речи.

И даже такие отчетливо противопоставленные структурно-семантические классы слов, как существительное и глагол, обнаруживают связующие их звенья. Эти связи проявляются прежде всего на уровне морфемного словообразования, поскольку регулярно образуются глаголы, мотивированные существительными и существительные, мотивированные глаголами. Образованные от субстантивных основ слова (*пилотировать, столярничать, пророчествовать, ночевать, потрошить, калечить, группировать, бороться, анализировать* и т.д.) органично «вписываются» в состав глаголов. Образованные от глагольных основ имена существительные поразному проявляют связь с производящей базой. Характерной особенностью семантической структуры этих слов является постоянно колеблющееся состояние взаимодействующих компонентов существительного и глагола (предметности и процессуальности), которые могут более или менее отчетливо отражать усиление / ослабление признаков в различных синтаксических условиях и тем самым демонстрировать безграничное множество граней своей двойственной природы. Ср.:

Засунула свинья рыло в кисель по самые уши и на весь скотный двор чавкотню подняла. Чавкает да похрюкивает: «Покатаюся, поваляюся, господского киселя наевшись!» (М. Салтыков-Щедрин. Кисель); *...и, таким образом, завелись очереди, так что в каждом доме уже ждали заранее и все знали, что в такой-то день Марфа Петровна будет там-то читать это письмо, и на каждое чтение опять-таки собирались даже и те, которые письмо уже несколько раз прослушали и у себя в домах и у других знакомых, по очереди* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *Казанцев молчал, и это молчание было как резолюция: отменить* (В. Токарева. На черта нам чужие).

В лингвистической литературе неоднократно подчеркивался гибрид-

---

мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Языки как образ мира. М., СПб., 2003, с. 211.

⁴ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988, с. 73.

ный характер инфинитива и отглагольного существительного, совмещающих черты существительного и глагола:

– *Что вы мне посоветуете?* – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться. – *Да я полагаю,* – ответил Базаров тоже со смехом, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотелось смеяться, так же как и ей, – *я полагаю, следует благословить молодых людей* (И. Тургенев. Отцы и дети); *Мне, ставшею открытой раной слуха, / угодно слышать все, что я хочу* (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Трактовка инфинитива как особой части речи (А.М. Пешковский и др.) сменяется взглядом на глагол как полевую организацию и разграничением ядерных (личные формы) и периферийных явлений. Термин «вербоиды» (введенный Ю.С. Масловым), подчеркивает яркие глагольные свойства, которые наряду с другими совмещены в инфинитиве, причастии и деепричастии. Любопытна категоричность, с которой Л. Теньер подчеркивает: инфинитив глаголом не является. По мнению ученого, «инфинитив занимает промежуточное положение между категорией глагола и категорией существительного», это «смешанная категория, средний член», а «обычай, принятый в современных западных языках, называющих глагол с помощью инфинитива, следует признать крайне неудачным, потому что он парадоксален и вреден»⁵. Отметим также, что отглагольное существительное Л. Теньер считает членом глагольной парадигмы⁶.

В. В. Бабайцева располагает отглагольное существительное и инфинитив на шкале переходности (которую можно назвать и шкалой взаимодействия) в зоне синкретизма – между ядерными конкретно-предметными именами существительными с одной стороны (А) и спрягаемыми формами глагола – с другой (Б). Периферию существительного занимают отглагольные существительные (Аб), периферию глагола – инфинитив (аБ). В этих периферийных синкретичных явлениях сочетаются свойства оппозиционно противопоставленных ядерных единиц, взаимодействуют компоненты предметности и процессуальности. С одной стороны, «языковая семантика отглагольных существительных («опредмеченное действие», «действие в виде предмета») синкретична», с другой – «сплав семантико-структурных свойств имени и глагола обуславливает специфику инфинитива», способного обозначать действие в виде процесса, быть по существу названием действия⁷.

Инфинитив – удобная форма для обдумывания и планирования действий:

Необходим для сердца перелом: Догнать... Вернуть... Сказать кому-

---

⁵ Для сравнения он приводит другие способы названия глагола: по форме первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения (греческий, латынь, болгарский язык), перфектом третьего лица единственного числа мужского рода (семитские языки) и т.д. См.: Теньер Л., указ. соч, с. 433-434.

⁶ Там же, с. 435.

⁷ Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000, с. 239-241.

то слово... (И. Северянин. Элегия); *Сказать, не сказать...* Артамонова размышляла весь апрель и май (В. Токарева. Сказать – не сказать...);

*Сказать п р о с т и, в плечо уткнуться,
Обжечься шёпотом твоим,
Прости меня... домой вернутья,
Остаться с зеркалом одним.
И вспоминать сухие губы,
И думать бешено почти:
«Зачем нужна такая глупость?
Что делать ей с моим п р о с т и?»*
(И. Каргушин. Прости меня).

Отглагольные существительные разнообразны по значению, морфемной структуре, особенностям функционирования и валентным свойствам:

Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слышивал и не видывал (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

Среди существительных, мотивированных глаголами, противопоставлены друг другу слова с общим словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и слова со значением отвлеченного действия или состояния⁸. Состав существительных со значением отвлеченного действия также неоднороден. Х.Н. Абдуллаев⁹ выделил 5 групп таких слов (по мере ослабления глагольных и увеличения субстантивных свойств): 1) имена существительные с суффиксом *-ива-*: *взыскивание, выкрашивание, наливание, обслуживание*; 2) существительные типа *бурение, надрезание, ввоз, переустройство, индустриализация, чистка*; 3) существительные типа *введение, украшение, остановка, упаковка, подъём, спуск, руководство, публикация*; 4) существительные типа *волнение, ошибка, восторг, превосходство*; 5) существительные типа *донесение, зрение, заметка, связка, груз, надпись, склад*.

Этот ряд, отражающий колебание удельного веса процессуального и предметного компонентов в семантической структуре отглагольных существительных, построен прежде всего на основании анализа сочетаемости, трансформации (замены глаголом), категории числа. Однако этот ряд иллюстрирует и переход от значения отвлеченного действия к значению результата процессуального действия. Ярким свидетельством актуализации предметной семы в значении слова является возможность его употребления в форме множественного числа, например:

⁸ «Краткая русская грамматика». М., 1989, с. 48.

⁹ Абдуллаев Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке. АКД. Ташкент, 1987.

...в губернию назначен был новый генерал-губернатор – событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут **переборки, распеканья, взбукетениванья** и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных (Н. Гоголь. Мертвые души).

Очевидно, что слова третьей группы способны к семантической трансформации (ср.: **Введение** во храм Пресвятой Богородицы – работа состоит из **введения, трех глав и заключения**) и на основе метонимического переноса развивают вторичные значения. Структурные особенности отмечены только для слов первой группы. Действительно, суффикс **-ива-** подчеркивает процессуальность.

Возникает закономерный вопрос о соотношении компонентов лексической и грамматической семантики подобных образований. Он связан с проблемой семантического отождествления производящей базы и деривата. По мнению ряда исследователей, трудно провести четкое разграничение среди словообразовательных типов лексической и синтаксической деривации. Бесспорно, что индивидуальное и категориальное значения периферийных существительных (являющихся производными словами) сложнее по сравнению со значениями мотивирующих слов. Неизбежно встает вопрос о характере значения морфем, решающийся лингвистами по-разному. В самом деле, в каких морфемах воплощено категориальное значение? Правомерно ли считать тождественными по лексическому значению производную и производящую основу словообразовательной пары: *петь – пение* (традиционно приводимую в качестве иллюстрации явления синтаксической деривации)? Компонент лексического или грамматического значения выражен суффиксом *-ниј-*? Очевидно, что именно наличие этого суффикса «проявляет» значение процесса в семантической структуре слова (ср., например, с отглагольным существительным *песня* с еще более «приглушенным» процессуальным компонентом значения). Вероятно, глагольные свойства сосредоточены не только в корневой морфеме (хотя, по мнению Ф.Ф. Фортунатова, даже слово *ноша* можно рассматривать в рамках глагольного слова).

Отметим, что Л. О. Чернейко совершенно справедливо критикует употребление по отношению к разрядам существительных в качестве дублетов терминов «абстрактные» и «отвлеченные», отражающее сложившуюся практику «объединения под одним термином «абстрактное имя» таких слов, как *белизна, пение*, с одной стороны, и *власть, жизнь, пространство, время, интеллект* – с другой»¹⁰. По ее мнению, объединение и терминов и стоящих за ними явлений неправомерно, поскольку сами явления оказываются результатом «разных видов ментальной дея-

---

¹⁰ Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997, с. 59.

тельности»¹¹. Слова первой группы предложено считать отвлеченными, второй – абстрактными именами существительными. Обратим внимание на то, что в состав абстрактных включены *жизнь, плач, боль, грусть* и т.п. производные слова. Однако механизм их образования (возведение признакового слова в субстантивную форму) такой же, как и у отвлеченных имен *пение, белизна*. Разница – во времени образования и наборе формантов.

В этой связи интересно отметить, что в статье Г.О. Винокур «Глагол или имя?»¹² называл слова *игра* и *борьба* «глагольными существительными со значением глагольности»¹³ в отличие от глагольных имен *играние* и *борение*. Несмотря на общее «глагольное прошлое», названные существительные обладают разным сочетанием субстантивных и глагольных свойств, хотя их внешние различия – только в формантах (в ряде случаев эти различия очень незначительны, ср., например: *учеба* и *учение*). Вероятно, необходимо учитывать и процессы опрощения (морфемная членимость слов типа *судьба, свадьба* и под. не столь очевидна, как в словах с другими суффиксами). Суффикс, содержащий *j*, обуславливает появление окончания среднего рода, что поддерживает отвлеченность слова в целом (известно, что форма среднего рода более абстрактна по сравнению с формами мужского и женского рода, имеющими соответствия в живой природе):

Сколько бы им ни хотелось мигать,

Могут они заявленье подать –

И на писанье, мерцанье и тленье

Возобновляют всегда разрешенье

(О. Мандельштам);

Любое движенье, по сути, есть

Перенесение тяжести тела в другое место

(И. Бродский).

Наиболее продуктивные суффиксы со значением «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом»: *-ниј-, -к-, -ациј-, -ств-*¹⁴. Два из них сочетаются с окончанием среднего рода, однако суффикс *-ств-*, на наш взгляд, в меньшей степени выражает процессуальность (может быть, и потому, что он многозначен и способен выражать значение непроцессуального признака). Отглагольные существительные с суффиксом *-ниј-* (со значением отвлеченного действия или состояния) наи-

¹¹ Там же, с. 60.

¹² Цит. по: Чернейко Л.О., указ. соч., с. 66.

¹³ Очевидно, что поиск новых (составных!) терминов обусловлен невозможностью разместить синкретичные слова в отдельных частеречных ячейках.

¹⁴ См.: «Краткая русская грамматика», с. 53.

более близки к феномену, обозначенному Л. Теньером как «имя действия»:

Ломание Базарова в первые минуты посещения неприятно подействовало на нее, как дурной запах или резкий звук; но она тотчас же поняла, что он чувствовал *смущение*, и это ей даже польстило (И. Тургенев. Отцы и дети); *Старение!* Здравствуй, мое *старение!* Крови медленное *струение* (И. Бродский)

Еще раз подчеркнем роль аффиксов в формировании семантики слова. Так, продуктивный в разговорной речи суффикс *-н-* создает, на наш взгляд, значение хаотичности, неупорядоченности:

...Но шепот, хохотня глупцов... Шум, хохот, бегодня, поклоны, / Галоп, мазурка, вальс... (А. Пушкин. Евгений Онегин); Что же потом? – Храп горожан / И толкотня в гардероб (О. Мандельштам).

Ср. также: *Духота. Толчея тараканов...* (И. Бродский).

Нулевой суффикс выражает значение действия в отвлечении от его конкретного носителя:

Хруст ракушечника, *шорох* раздавленного гнилого / Тростника (И. Бродский); *И звон стекла! И лепет* туфель бальных! (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Таким образом, синкретичные периферийные образования, совмещающие глагольные и субстантивные свойства, в русском языке имеют яркие аффиксальные различия. Ср.:

Еще не перестали топать,

Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать...

<...>

В передней толкотня, тревога;

В гостиной встреча новых лиц,

Лай мосек, чмоканье девиц,

Шум, хохот, давка у порога,

Поклоны, шарканье гостей,

Кормилиц крик и плач детей

(А. Пушкин. Евгений Онегин).

Довольно часто однокоренные инфинитив и отглагольное существительное «соседствуют». Такое употребление позволяет избежать повтора и по-разному представить одно и то же явление, уловить нюансы мироощущения. Казалось бы, тавтология неизбежна, однако сочетания родственных слов не создают аномального эффекта *масла масляного*, и эта пара-

доксальность вполне может осознаваться автором. В этом, как нам представляется, убеждают следующие фрагменты:

Воспоминаний много, а **вспомнить** нечего, и **впереди** передо мной – длинная, длинная дорога, а цели нет... (И. Тургенев. Отцы и дети); – **Такая скука**, – жаловался Сергей. – **Чего тебе скучать!** (Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); – **А что я мог сделать?** – спросил композитор. – **Не приглашать. Или настоять на приглашении**, если вы мужчина, конечно (В. Токарева. На черта нам чужие).

Вероятно, в некоторых случаях можно говорить о явлении морфологической синонимии однокоренных частей речи. Однако синонимия здесь частичная, поскольку любое изменение основы слова ведет к семантическим сдвигам. По словам И.А. Ширшова, «само значение отвлеченности и есть то семантическое усложнение, которое появляется в словообразовательном акте», таким образом, «язык выполняет не пустую работу, порождая слова с тем же лексическим содержанием, что и у исходной единицы»¹⁵.

Сопоставление однокоренных слов разных частей речи подтверждает общеизвестный факт: лексическое значение большей частью обуславливается семантикой корневой морфемы, грамматическое – аффиксальных морфем. Роль суффиксов неоднозначна, вероятно, неправомерно существующее разделение их на словообразовательные и словоизменяющие, поскольку они выражают сложную гамму лексических и грамматических оттенков. Если в корне сконцентрировано лексическое значение, а во флексии – грамматическое, то аффиксы, вероятно, составляют промежуточную ступень. Роль аффиксов в восприятии слова исключительно важна, поскольку именно они передают различные проявления одной сущности. В разной морфемной оформленности – явный «водораздел» (несмотря на отсутствие «китайской стены») между именем и глаголом в русском языке.

В немецком языке однокоренные инфинитив и существительное могут различаться с помощью аффикса и артикля или артикля, ср.: *lieben – das Liebe*; но *leben – das Leben*. Т.н. «субстантивированный инфинитив» по семантике и форме сохраняет свойства глагола (морфема *en* – типичный признак инфинитива немецкого глагола, но существительное, в отличие от глагола, пишется с большой буквы), по морфологическим свойствам – это существительное. Ср. словообразовательные цепочки из исходного существительного, инфинитива слабого глагола и субстантивированного инфинитива: *der Salz* (соль) – *salzen* (солить) – *das Salzen* (засолка, посол); *der Pfeffer* (перец) – *pfeffern* (перчить) – *das Pfeffern* (перчение)¹⁶. В русском языке для обозначения процесса и результата действия, названного глаголом *солить*,

¹⁵ Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М., 1999, с. 138.

¹⁶ Буркова П.П. Явления переходности в тексте немецкого кулинарного рецепта // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. М. – Ставрополь, 2001, с. 289.

используются отглагольные существительные: *засолка, соление*¹⁷.

В немецком языке отмечаем большую формальную близость существительного и глагола и субстантивированный инфинитив как нечто среднее между ними. Считается, что в русском языке промежуточное звено (АБ), совмещающее в равной пропорции субстантивные и глагольные свойства, отсутствует. Однако можно отметить формальное совпадение глагольных форм т.н. «мгновенно-произвольного действия» (иначе: глагольных междометий) и отглагольных существительных с нулевым аффиксом, в которых «обнажается» глагольный корень:

Пляшет. Плачет.

Плачет. Пляшет.

Вплавь. Вскачь.

Все – враз!

Пляс. Плач.

Плач. Пляс

(М. Цветаева. Молодец).

Формы «мгновенно-произвольного» действия являются реликтовыми с точки зрения современного русского языка, но они сохраняются в детской речи (*Топ, топ, топает малыши*) и могут актуализироваться в языке художественной литературы:

Лай, хохот, пенье, свист и хлопок,

Людская молвь и конский топ!

(А. Пушкин. Евгений Онегин).

В примечаниях к «Евгению Онегину» А.С. Пушкин писал о том, что в журналах осуждали слова *хлоп, молвь* и *топ* как неудачное нововведение. «Слова сии коренные русские», – считал поэт, приводил в доказательство цитаты из «Сказке о Бове королевиче», призывал не мешать «свободе нашего богатого и прекрасного языка». Диффузное *топ* как бы «вбирает в себя» дифференцировавшиеся *топать* и *топот*.

Ср. также: 1) *Вез Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки скок, Сеньку с ног, Соньку в лоб, все в сугроб;*

2) *На задворках, в пустом чулане,*

Бродит оторопь, скреб и скок,

---

¹⁷ Интересно существование в немецком языке глагола *braten* (жарить, запекать), существительных *das Braten* (жарение) и *der Braten* (жаркое). Таким образом, значение процессуальности связывается с категорией среднего рода, значение предметности – с категорией мужского рода. Ср. в русском языке: *варение, варка*.

И не слышно песенки няни

На крыльчке, где солнцепек (Н. Клюев).

Кроме того, можно отметить случаи омонимии (омофонии и омоформии) отглагольных существительных и глагольных форм повелительного наклонения, образованных от перфектной основы с помощью нулевых аффиксов:

О плач всего, что хочет быть воспето! <...> – *Не плачь*, мое дитя (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Ср. также: *Неподвижность огромных растений, далекий лай* (И. Бродский) – *Лай* громче!

Только контекст дает представление о значении нулевых аффиксов и позволяет интерпретировать слово как существительное или глагол. Омонимия глагольных и субстантивных форм – проявление глубинных внутренних связей этих частей речи.

Отметим, что связи существительного и глагола проявляются не только на уровне морфемного словообразования (в «застывших трансляциях», по определению Л. Теньера), но и на уровне транспозиции – при окказиональной субстантивации глагольных форм.

Предлагаем выделять как типы окказиональной субстантивации¹⁸ метатекстовую, индивидуально-авторскую и субстантивацию номинации. Мы исходим из того, что окказиональная субстантивация – это всегда «отзвук» чужого слова: при метасубстантивации чужая речь воспроизводится и (часто!) сопровождается авторским комментарием, при индивидуально-авторской субстантивации чужое слово переосмысливается как некая новая сущность, субстантивация же номинации являет миру слово номинатора. Во всех названных ситуациях возможна субстантивация любых фактов языка, вплоть до личных глагольных форм, хотя категориальное значение действия, казалось бы, не совмещается со значением предметности.

Грамматическая интерпретация действительности необходима для того, чтобы общаться как по поводу этой действительности, так и по поводу самого общения. Воспроизведение чужого слова и рефлексия по поводу сказанного рождает явление метатекстовой субстантивации (или «эхо»-субстантивации). Это весьма распространенное явление художественной и разговорной речи, одна из форм передачи чужой речи.

В этих условиях субстантивируются глагольные формы:

– *Машенька, голубчик, золотко!* – заговорил Лев Иванович. – *Не переживай, я всё возьму.*

– *Да брось ты, – буркнул Аркадий Сергеевич.* – *При чём тут «возме-*

---

¹⁸ **Высоцкая И.В.** Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск, 2009.

шу»... (Н. Самохин. Королевский терьер).

В том числе – и в устойчивых выражениях (примеры из словаря В.И. Зими́на¹⁹):

Последнее «прости»; Что такое не везет и как с ним бороться; – Не хочу. / – А через «не хочу»?

Наиболее ярко субстантивное употребление глагольных форм (как и слов других частей речи) проявляется в сочетании с препозитивным определением:

*Ты говорила мне «люблю»,
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое «терплю»
Едва удерживали губы*
(К. Симонов).

Часто метасубстантивация не просто повтор, но осмысление или оценка чужого или (при известной степени отстранения) собственного слова:

И вдруг, как озноб, продрала догадка: своими сказать – не сказать, спросить – не спросить, она испортила ему жизнь (В. Токарева. Сказать – не сказать...); ...сгину прежде, чем грянет с насеста / петушиное «пли» (И. Бродский); Что делать ей с моим прости! (И. Каргушин).

Уникальны случаи индивидуально-авторской субстантивации глагольных форм в художественном тексте (примеры Л.В. Зубовой²⁰): *...один сказал другой сказал струит... (И. Бродский); Есть племя покинул и племя вернул... (А. Найман); За окном моим летали / две веселые свистели. / Удалые щebetали / куст сирени тормошили... (А. Левин).*

Субстантивация глагольных форм происходит и в ситуации номинации (называния, наименования) предметов и явлений. Приведем в качестве примера инфинитивные заглавия художественных произведений: «**Помолодеть!**» (М. Жванецкий); «**Сказать – не сказать...**» (В. Токарева); «**Добежать до себя**» (И. Каргушин); телевизионных передач: «**Понять. Простить**» (ТВ Центр).

В разных городах России появляются глагольные названия объектов городской среды: магазин «**Подарю**» (вместо традиционного субстантивного названия «**Подарки**»), столовая «**Сели-поели**», кейтеринг «**Пообедаем**» и проч. Отметим императивные названия: «**Поиграй-ка!**» (отдел игрушек), «**Встрой-ка!**» (кухни, техника, интерьер), «**Погости**» (мотель); «**Неболейка!**», «**Похудей-ка**», «**Успокой**» (биодобавки).

¹⁹ См.: **Зимин В.И.** Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. Изд. 2-е. – Ростов н/Д. – М., 2005.

²⁰ См.: **Зубова Л.В.** Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000, с. 251–253.

Явления метатекстовой, индивидуально-авторской и субстантивации номинации «сплетены» в народной речи. Языковая игра возникает в реплике-реакции, которая может квалифицироваться как присловье-отговорка и рассматривается в составе диалогических единств (далее примеры из словаря В.И. Зимины²¹):

– *Давай-давай!* / – *Давай* на Арбате котлетой подавился; [в ответ на просьбу подарить что-то] *Подаришь* уехал в Париж, остался один *купишь*.

В текстах для детей слово осознается и как полноправное «действующее лицо», и как имя персонажа: «*Наш друг Пиши-Читай*» (мультфильм);

Три волшебника злых

Не Могу,

Не Хочу

И Не Буду

Нашу девочку Киру

Преследуют всюду

(А. Крестинский, Н. Полякова).

Многочисленные случаи окказиональной субстантивации можно объяснить следующим образом: любое явление языковой действительности для того, чтобы стать осмысленным, должно хоть на секунду «замереть» и зафиксироваться в сознании говорящего как предмет речи/мысли. И глагол, обозначающий действие, как ни парадоксально, не является исключением.

Таким образом, связи между именем существительным и глаголом в современном русском языке проявляются прежде всего на уровне морфемного словообразования. Между дифференцированными существительными (А) и глаголом (Б) на шкале переходности могут быть выделены синкретичные звенья – периферийные: отглагольные существительные (Аб) и инфинитив (аБ) и промежуточное: формы мгновенно-произвольного действия (АБ). Границы между частями речи могут стираться и в процессе окказиональной субстантивации.

Если исходить из положения о том, что каждая часть речи имеет полевую организацию (с ядром и периферией), то логично представить и систему частей речи как поле, состоящее из взаимодействующих (и поэтому перекрещивающихся) полей²². Это представление демонстрирует незамкнутость морфологической системы языка и позволяет рассматривать

²¹ См.: **Зимин В.И.**, указ. соч.

²² См.: **Высоцкая И.В.** Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006, с. 85.

ее в свете логики нечетких множеств как сложную самоорганизующуюся систему.

Ключевые слова: *структурно-семантическое направление, взаимодействие частей речи, переходность, синкретизм, субстантивация*

ԻՐԻՆԱ ՎԻՍՈՑԿԱՅԱ – Գոյականի և բայի համագործակցությունը ժամանակակից ռուսաց լեզվում – Հեղինակը դիտարկում է ձևային գոյացության և տեղափոխության լեզվական միավորների մակարդակում տեղի ունեցող փոխազդեցության հետևանքով առաջացող համադրական երևույթների տարբեր տեսակներ: Տարբաբաժանված գոյականի և բայի միջև անցումայնության սանդղակում կարող են առանձնացվել համադրական սահմանային երևույթներ (բայական գոյականներ և անորոշ դերբայ) և միջանկյալ օղակ (ակնթարթային-կամայական գործողության ձևեր): Ցույց է տրված բայական ձևերի պատահական գոյականացման հնարավորությունը, առանձնացված են մետատեքստային, անհատական-հեղինակային, գոյականական անվանակարգերը: Աշխատանքը կատարվել է արդի ռուս լեզվաբանության կառուցվածքային-իմաստաբանական ուղղության հունով: Հետազոտության նյութ են դարձել գերազանցապես դասական և ժամանակակից ռուս գրականության գեղարվեստական ստեղծագործությունները:

Բանալի բառեր - *կառուցվածքային-իմաստաբանական ուղղություն, խոսքի մասերի փոխազդեցություն, անցումայնություն, համադրականություն, գոյականացում*

IRINA VISOCKAYA – The Interaction of the Noun and the Verb in Modern Russian Language. – The author discusses different types of syncretic phenomena arising from the interaction of language units on the morphemic level of creation and transposition. Between the differentiated noun and the verb on the transitivity scale can be selected syncretic: peripheral phenomena (verbal nouns and the infinitive) and intermediate (forms of instantly-arbitrary action). The possibility of occasional substantival verb forms is defined, metatextual, individual-author and substantivation of the nomination are selected. The work is performed within the framework of structural-semantic field of modern Russian linguistics. The research material mainly was based on the artworks of classical and modern Russian literature.

Key words: *structural-semantic field, interaction between parts of speech, transition, syncretism, substantivization*

ВАЛОРИЗАЦИЯ В ЖИЗНИ И В ЯЗЫКЕ

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

Светлой памяти моего научного руководителя

Т.М.Николаевой

Как известно, язык является средством отображения действительности и составной частью культуры. Наука же о языке всегда направлена на разработку таких методов анализа, которые призваны определить границы языка и его место среди других культурных феноменов. Казалось бы, границы между фактами жизни и фактами языка чётко установлены, связь между отображаемой действительностью и отображающим её языком вполне наглядна, осязаема и легко определяема. Однако существует, по крайней мере, одна область, где сложно определить ту грань, которая отделяет факты жизни от фактов языка. Это – таинство превращения эмпирического факта в знак.

Опираясь на идеи Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона о том, что непосредственно наблюдаемый эмпирический факт может быть фонологизирован лишь в случае его валоризации, а также на мысли Т.М. Николаевой о различной степени валоризованности речемыслительных типов, сформулируем основной тезис наших рассуждений: в процессе коммуникации, в речи культурно и прагматически «сильными» являются те высказывания, которые в той или иной степени валоризованы. Трудноразрешимым является вопрос о языковом статусе подобных высказываний: становятся ли они лингвопрагматическим знаком или же остаются рядовыми высказываниями. Трудность, в первую очередь, заключается в том, что, вероятно, валоризованным в подобных случаях чаще всего можно считать само содержание высказывания, но не его форму (фразеологизированность конструкции, фиксированное лексическое наполнение, особое употребление грамматических средств). Можно ли в этом случае говорить о валоризации высказывания как языковой единицы или же язык здесь выступает транслятором «валоризованных идей»? Нас заинтересовало одно из проявлений процесса валоризации, и мы постараемся показать, как валоризованные в социуме (культуре) объект или событие «закрепляются» в дискурсе и как затем «перетекают» в язык (если «перетекают!»).

Несмотря на кажущуюся чёткость и однозначность термина «валори-

зация», он требует более детального описания. Известно, что этот термин восходит к сосюрговскому понятию *vaieur* «ценность лингвистического знака», однако является действенным инструментом описания различных семиотических систем, показывая механизм превращения эмпирического объекта в знак. Согласно Т.М. Николаевой, в сознании человека существуют две системы – эмпирическая и валоризованная, именно «сосуществование этих двух систем (по крайней мере!) пронизывает всю ментальную структуру *homo sapiens*»¹. Эмпирический факт становится единицей системы, то есть валоризуется, в том случае, когда количественно или качественно превышен порог восприятия, когда данный факт становится перцептивно маркированным². Какие факторы и жизненные установки могут способствовать перцептивной маркированности? Представляется, что валоризация может быть обусловлена такими факторами, как предписание / рекомендация («*принятое, узаконенное положение*»), аксиома / постулат («*утверждение, не требующее доказательства*»), авторитет («*общепризнанное значение, влияние, общее уважение*»), статус («*сложившееся состояние, положение*»), стереотип / стандарт («*прочно сложившийся, постоянный образец*»). Все указанные понятия обозначают нечто постоянное, общепринятое, узаконенное в жизни, в социуме и все они лежат в основе следующих жизненных принципов: *Неважно, как есть на самом деле, важно, как считается; Как назовешь, так и будет.*

В мировой культуре сформулировано множество мыслей, афоризмов, выражающих суть явлений, основанных на общепринятых, постоянных, прочно сложившихся установках. В них зафиксированы валоризованные в социуме идеи и модели поведения, ср.:

(1) В бессчётных традициях протекает наше человеческое существование. Э. Гуссерль; (2) Обычай правомочен по той простой причине, что общепринят, - в этом смысл его таинственной власти. Б. Паскаль; (3) Авторитет является источником предрассудков. Х. Гадамер; (4) Опасно быть правым там, где авторитетные лица не правы. Вольтер; (5) Когда говорит человек в мантии и шапочке, всякая галиматья становится учёностью, а всякая глупость - разумной речью. Мольер; (6) В мире царит не знание, а мнение. Анаксагор; (7) Авторитет громких имён слишком часто служит основанием для заблуждений. С.-П. Бернарден; (8) Ничто так не заразительно, как заблуждение, поддерживаемое громким именем. Ж. Бюффон; (9) Власть придаёт словам отпечаток правды. Менандр; (10) Как бы то ни было, все мы живём во власти стереотипов. И тем интереснее, когда жизнь даёт нам возможность их разрушить... С. Майер;

¹ Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000, с.13.

² См. об этом в статье: Николаева Т.М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С. Трубецкого – Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации». // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч.Вс. Иванова. М., 1999, с. 704 – 720.

(11) *Перепрыгнув с собаки на льва, блоха изменила свой статус, но не свою сущность...* В.А. Чернов; (12) *Пусть жираф был неправ, / Но виновен не жираф, / А тот, кто крикнул из ветвей: / — Жираф большой, ему видней.* В. Высоцкий.

Обобщая содержание данных высказываний: «индивид» во власти традиций и стереотипов; «социум» непреложно следует мнению (подчас сомнительному) авторитета и власти. Безусловно, такие явления, как *авторитет, власть, масса*, нужно понимать в расширительном смысле, а иногда и вовсе как метафору. «*Вся жизнь складывается из дистанций*» и жёстких иерархий³. В жизни каждого происходят события, основанные на валоризованных моделях поведения, то есть таких, когда не столь важна «*суть*», сколь «*модель*», когда в суть не вникают, а разыгрывают отработанную модель поведения, «*готовую партитуру*». Чем жёстче действует в социуме эта схема, тем социум являет собой наиболее валоризованную систему. «*Несомненно также, что “плотность” валоризованной системы бывает различной: представляется, что для так называемых “традиционных” культур она максимализирована, поэтому они и “холодные”, то есть не развивающиеся*»⁴.

Приведём достаточно распространённый пример: конфликт работника («индивида») с руководителем («авторитетом»). В этом случае, как правило, индивид начинает не соответствовать некоему «субъективному» (валоризованному в данном коллективе) стандарту, перестаёт обслуживать некие внутренние, глубинно-субъективные, личные (часто – неосознанные, не материализованные, на которые невозможно указать, которые невозможно описать) требования «авторитета», вследствие чего «индивида» принято считать в коллективе плохим (человеком, специалистом и т.д.), автоматически формируется стандартная реакция практически на любые его действия – от умолчания до неодобрения, критики, осуждения. Таким образом, начинает формироваться новое стандартное отношение к нему, то есть происходит своего рода «перезагрузка» его позиции в коллективе. Именно этот процесс можно назвать следствием процесса валоризации.

В литературе, в науке, в культуре в целом лучшие представители того или иного общества чутко реагируют на плотность валоризованной системы, что находит отражение в художественной литературе, в публицистике, в науке. Так, известный французский лингвист Гюстав Гийом, рассуждая о том новом, что привнесла в науку книга Ф. де Соссюра, в частности об известной дихотомии «язык / речь», говорит о своём несогласии с отдельными положениями концепции Ф. де Соссюра и о власти авторитета в науч-

³ Канетти Э. Масса и власть. - <http://knijky.ru/books/massa-i-vlast>

⁴ Николаева Т.М., указ. соч., с. 14.

ном сообществе: «Замечания, которые касаются ситуации в науке на момент выхода труда Ф. де Соссюра, объясняют насущную необходимость вмешательства для её исправления. Однако такое вмешательство, если оно должно произойти, должно было бы исходить от уже знаменитого метра, к которому прислушиваются в учёном мире. Если оно исходит даже в самых высших формах от малоизвестного человека, находящегося со всей своей наукой в безвестности, оно не сможет дать сразу же ни малейшего эффекта за отсутствием резонанса. Недостаточно высказать важные вещи, надо также, чтобы они были высказаны солидными людьми. Солидные люди поступали бы мудро, если бы в полной мере осведомлялись о важных вещах, которые необходимо высказать»⁵.

Ю.Н. Тынянов пишет о том, как реагирует П.А. Катенин на авторитет А.С. Пушкина, критикуя его балладу «Жених», которую и поныне принято считать очередным шедевром поэта: «Катенин в конце 1827 г. был сильно раздосадован балладой Пушкина «Жених», в которой видел «состязание» с собой и о которой писал тому же Бахтину: «Наташа Пушкина («Жених». — Ю. Т.) очень дурна, вся сшита из лоскутьев, Светлана и Убийца (баллада Катенина. — Ю. Т.) окрадены бессовестно, и во всём нет никакого смысла. Правда и то, что *ему незачем стараться: все хвалят* (выделено нами – Р.Г.)»⁶. Подобной модели отношения к «авторитету» следуют во многих сообществах, коллективах *принято* хвалить / *принято* ругать. Коллектив игнорирует «истинное положение дел» (по сути, эмпирический факт) и следует валоризованной установке: «книга не понравилась, но надо похвалить», «а статья ничего, интересная, но как же так, это ведь «он» её написал – надо бы покритиковать».

В художественной литературе образы, отдельные диалоги, а иногда и целые тексты часто строятся на обыгрывании феномена валоризации. Так, в рассказе Тэффи «Башня» подобные установки эксплицированы в самом начале, что само по себе является художественным приёмом, поскольку на протяжении всего последующего текста образ башни трансформируется из отрицательного в положительный и, по сути, архитектурный объект «башня», постепенно приобретая смысловозначительную значимость, валоризуется и становится вначале знаковым архитектурным памятником, затем культурным знаком, а впоследствии, как известно, – символом Парижа, ср.: *Нам давно даны эстетические директивы: не любить Эйфелеву башню. Она пошлая, она мещанская, <...> она – не знаю что, она – не помню что, но, словом, её любить нельзя. Я очень покорная. Нельзя так нельзя. <...> Эйфелева башня для меня не существовала. Вид её*

---

⁵ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004, с.35-36.

⁶ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. http://knigolubu.ru/russian/classic/tyinyanov_yun/arhaisty_i_pushkin.14634

меня раздражал. <...> *Не полюбила я её. Как было приказано эстетическим декретом, так и не полюбила.* Прерывая рассказ об Эйфелевой башне, Тэффи повествует о русских эмигрантах, устремивших свой взор на вечернее парижское небо. Она говорит о том, что человеку в жизни нужна путеводная звезда, без которой ему одиноко и страшно. Возможно, поэтому Тэффи пишет: *Нам, русским, почему-то всегда кажется, что мы должны отыскать Большую Медведицу.* Но вдруг оказывается, что и у нас, на земле, для всего земного шара (даже для «монашка в скуфейке» из Соловецкого монастыря), сегодня есть путеводная звезда – Эйфелева башня: *- Вы один там? – Двое нас. Другой немой. – Тяжело? Он опять покраснел. – Ночью – нет. Ночью она разговаривает. – Кто? Кто разговаривает? – Она. Эйфелева башня. <...> Эйфелева башня! Или ты сказка, или нас кто-то выдумал..., а нам с тобой вместе на свете жить - уж больно диковинно!..* (Тэффи фактически зафиксировала для поколений, «поймала» тот момент в истории культуры, когда эмпирический факт «Эйфелева башня» валоризировался, превратился в культурный знак, но пока ещё не стал символом).

Ср. также диалог из рассказа Сергея Довлатова «Хочу быть сильным»:

— *Вчера, — говорит, — перечитывал Кафку.* (Читать и перечитывать Кафку, восхищаться его творчеством принято в хорошем обществе). *А вы читали Кафку?* (В норме от адресата ожидается положительный ответ, соответствующий стандарту, своего рода «пароль», «метка территории», граница между «своими» и «чужими».)

— *К сожалению, нет, — говорю.* (Ответ не соответствует стандарту и, по сути, является для адресата сигналом: «чужак».)

— *Вы не читали Кафку?* (Стандартная реакция на нестандартный ответ, произносимая с определённой интонацией; сигнал к запуску «прагматической программы»: подвергнуть обструкции.)

— *Признаться, не читал.*

Целый день Барабанов косился на меня (Проявлял недружелюбие, неодобрение.) *А в обеденный перерыв заходит ко мне лаборантка Нинуля и спрашивает:*

— *Говорят, вы не читали Кафку* (Неопределённо-личное «говорят» в данном случае выступает прагматическим оператором, вводящим пучок информации: есть тенденция к огласке, этот факт в данном сообществе обладает некоторой значимостью; к этому принято относиться неодобрительно.) *Это правда? Только откровенно. Всё останется между нами.* (Я отношусь к тебе положительно и даже готова покрывать порицаемое «нашими» поведение.)

— *Не читал, — говорю* (Не исключено, что от адресата в данной си-

туации ожидалось уклонение от прямого ответа, поэтому прямой ответ шокирует героиню рассказа.)

Нинуля вздрогнула. (Несмотря на то, что информация мне известна, я подаю сигнал: это неожиданно, пугающе, у нас так не принято, я не на твоей стороне, я с «нашими» *и пошла обедать с коллегой Барабановым.* (По сути, в контексте данного диалога подобное поведение героини равносильно бойкоту.)

Известная своими нетривиальными художественными приёмами Тэффи сюжет рассказа «Джентльмен» построила на нарушении стандартной прагматической стратегии, ожидаемой от такого лингвокультурного типажа, как «джентльмен». Джентльмен должен: иметь хорошие манеры, неукоснительно соблюдать правила этикета, галантно обращаться с женщинами. Герой рассказа всячески выказывает «джентльменскую манеру поведения», однако в своём «рвении» казаться безупречным джентльменом добивается обратного. Каким образом? Разрывая ассоциативную связь между означающим (формой) и означаемым (содержанием), нарушая билатеральную целостность знака. Вот как Тэффи описывает встречу двух старых знакомых – мужчины и женщины:

Они встретились совершенно случайно <...>, кинулись и схватили друг друга за руки.

- Значит вы рады, что встретили меня? <...> (В данной ситуации ответ героини не соответствует прагматической стратегии разговора и имеет «повышенный градус искренности»: так не принято отвечать на «этикетную» радость. По сути, героиня выходит из круга валоризованной системы в открытое эмпирическое пространство.)

- Безумно! Безумно! Я... я люблю вас! – воскликнул он и снова схватился за голову. (Герой следует «джентльменской» прагматической установке: со словами дамы нельзя не соглашаться, хороший тон – угодить даме. Форма коммуникативной установки соблюдена, но содержание неадекватно данной ситуации.) **– Боже мой, что я делаю! Ради бога, простите меня! Неожиданная встреча... я потерял голову! Я никогда бы не посмел! Забудьте! Простите! Варвара Петровна!** (Уловив неадекватность своего ответа, герой-джентльмен пытается исправить положение, прибегнув к каскаду новых стандартных высказываний, которые он «нанизывает» друг на друга, образуя своеобразную градацию. Он пытается вырваться из замкнутого круга коммуникативных штампов, но ему так и не удастся сделать это вплоть до самого конца рассказа. Он будет находиться в плену валоризованных речемыслительных штампов, не сможет вырваться из замкнутого круга валоризованной системы и найти своё спасение в безбрежном море эмпирических фактов.)

- Нет, нет! <...> Зовите меня всегда Варей... Я люблю вас. (Герои-

ня упорно нарушает прагматический формат разговора и продолжает находиться вне зоны валоризованной системы, принимая слова героя «за чистую монету» и искренне откликаясь на них.)

- О-о-о! – застонал он. – Вы любите меня? Значит, мы погибли. <...> **Теперь мы больше не должны встречаться.** (Герой следует прагматической установке: защитить даму вопреки (как будто бы?!) своим интересам.)

- Но почему же? – удивилась Варя. (Героиня продолжает оставаться в зоне эмпирических фактов, то ли не понимая, то ли не желая понимать прагматических установок героя.)

- Я джентльмен, и я должен заботиться о вашей репутации и о вашей безопасности.

Упорное следование прагматическим установкам, неспособность или нежелание «услышать» героиню приводят, наконец, к юмористической развязке коллизии. Последние слова героини, казалось бы, не оставляют место для сомнений: **- К чёрту! Вот что я говорю! – крикнула Варя и вскочила со скамейки. – Убирайтесь к чёрту, идиот шепелявый! Не смейте идти за мной, гадина!** Но и эти слова не отрезвляют героя, не заставляют его опомниться и всё-таки выйти из валоризованной системы. Продолжая логику своих рассуждений, он делает весьма странный вывод из всей этой ситуации: **«Я люблю и любим, - думал он. – Вот это и есть счастье. Только нужно быть осторожным. Иначе что же? Пулю в лоб?»**. Таким образом, этот рассказ построен на прагматическом противоречии между двумя системами – валоризованной и эмпирической, что приводит к неадекватности поведения героев и как следствие нарушает билатеральную целостность знака - целостность его формы и содержания.

Мы рассмотрели случаи, когда поведение человека – члена коммуницирующего социума - обусловлено валоризованной прагматической установкой «принято поступать так; игнорируй эмпирический факт и поступай так, как принято, как от тебя ожидают. В дискурсе зафиксировано множество устойчивых, стандартных высказываний, фраз, речений, которые говорящий может задействовать в подобных речевых ситуациях. В основе таких дискурсивных средств лежит обобщённая модель речевого поведения обывателя, предложенная Т.М. Николаевой, которая характеризует язык обывателя как чаще всего «неиндивидуализированный, основывающийся на чувстве социальной солидарности, плотно заполненного социального окружения»⁷. Подобная модель включает ментально-речевые стереотипы, реализуемые в определённых коммуникативных ситуациях, например, такие как мультипликация явления (*Нас по полициям затаскали, а вы дома прохлаждаетесь*), увеличение масштаба отдельного факта

---

⁷ Николаева Т.М. указ. соч., с. 166.

(«Да ей уже под сорок было, - говорят о родившей в тридцать пять»⁸).

В языке также есть конструкции, выполняющие роль прагматических операторов, соответствующих коммуникативной установке «так принято; все / многие так считают». Одной из таких конструкций является конструкция «*Говорят, что...*». Данная конструкция с семантико-прагматической точки зрения полифункциональна. Так, высказывания *Говорят, она врач* и *Говорят, она вредная*, будучи идентичными с синтаксической точки зрения, различаются прагматически. Первое высказывание указывает на принципиально проверяемый эмпирический факт: либо она врач, либо нет. Здесь конструкция «*говорят, что...*» выполняет прагматическую функцию: «Я не отвечаю за достоверность этой информации, но согласен принять объективную данность, какой бы она ни оказалась». Ср. также: *Говорят, она сына родила*; *Говорят, завтра дождь будет*. Высказывания же типа *Говорят, она вредная / добрая / умная / красивая* указывают на принципиально непроверяемый факт, скорее не на факт, а на точку зрения, на интерпретацию, на оценку. По этой причине в норме (если нет особых контекстных и конситуативных условий) они имеют иную прагматическую природу и могут быть прочитаны: «Так принято считать. Предлагаем тебе признать это и присоединится к нам.

Таким образом, «*говорят*» является прагматическим оператором, вводящим различную информацию. При этом какая прагматическая информация должна быть активизирована адресатом, зависит не только от ситуации общения, но также от содержания подчинённой части, от пространителей при «*говорят*» (ср., *так говорят, как говорят, все говорят, все так говорят*) и от позиции «*говорят*» в тексте. Так, для того чтобы высказывание выполняло прагматическую функцию «так принято», «*говорят*» должно вводить информацию об оценке объекта (ср.: *А душа, говорят, бессмертна!* К. Симонов; *Говорят, что поэт – поёт.* И. Елагин)⁹, какое-либо прецедентное высказывание или событие (*В таких случаях говорят: побеждает дружба.* Вл. Плотников; *Говорят, выше себя не прыгнешь.* А. Алексин; *Про упрямых говорят: «Нашла коса на камень».* Л. Яхнин; *Говорят, что Ева плод сорвала с дерева познания, добра и зла.* Н. Асеев); обобщённо-личное мнение, слухи, «сплетня» (*Вот, говорят, не бывает в наш век сердечных людей.* М. Булгаков; *Говорят, Беатриче была горожанка, / Некрасивая, толстая, злая.* Д. Самойлов; *Говорят, что великаны только ростом велики, / Говорят, что великаны – это просто дураки.* Из песни.) На данном прагматическом значении основан смысл «абсурдных» русских пословиц: *Говорят – кур доят, а коровы яйца несут; Говорят – хлебы варят, а щи пекут.*

⁸ См. об этом там же, с. 167-173.

⁹ Здесь и далее контексты употребления взяты из: Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru

Для более адекватного понимания высказывания могут быть значимыми также наличие распространителей при «**говорят**» и его позиция в высказывании. Ср.: (1) *Говорят, что она вредная*; (2) **Все** *говорят, что она вредная*; (3) **Многие** *говорят, что она вредная*; (4) **В деревне** *говорят, что она вредная*; (5) *Она вредная – так говорят*; (6) **Так** *говорят: она вредная*. Слова *все* и *многие* не просто распространяют предложение, а меняют его структуру, что, впрочем, не существенно отражается на их семантике: они продолжают передавать значение, близкое к неопределённо-личному. Но при этом наличие слова *все* повышает вероятность достоверности подобной информации, придаёт высказыванию большую категоричность (ср.: *Все говорят: нет правды на земле*. Пушкин; *Все говорят – ты целитель души*. Брюсов; *Не я один, все говорят: хануги они*. И. Грекова; - *Да это все говорят! – хрипит он яростно*. Окуджава; *Она, / Все говорят, артисткой быть великой рождена*. Плещеев.)

Выражение «**так говорят**», передавая прагматическое значение «так принято», чаще всего находится в постпозиции, и в этом случае обычно акцентно выделено слово *говорят*, ср.: *У меня мало эмоций, больше логики. Так говорят. Хотя это ещё как посмотреть*. В. Валеева; *Вчера он был один во всей Москве, - теперь явился другой гусар, во сто раз милее и любезнее: по крайней мере, так говорят в доме княгини Н. К.Н. Батюшкова; У кошки семь жизней, так говорят*. Г. Садулаев. Однако в отдельных случаях возможно двойное прочтение высказывания – с акцентным выделением как одного, так и другого слова: **так говорят, так говорят**. Ср.: «*Брось его в грязь – будет он князь*» - **так говорят про овёс**. Л. Шустова. При акцентном выделении слова *говорить* высказывание передаёт прагматическое значение «так принято говорить», при выделении же слова *так* подобное высказывание прочитывается как «принято говорить **таким образом**». В препозиции выражение «**так говорят**» всегда передаёт последнее значение и соответственно акцентно выделяется слово *так*, ср.: *В народе по подобным поводам так говорят: терпятся – слюбится*. В. Кучеренко.

Мы рассмотрели только одну конструкцию, которая передаёт значение «так принято» и тем самым указывает либо на валоризованные в социуме события и факты, либо на факты, которые говорящий выдаёт за таковые. Безусловно, в языке есть и другие подобные конструкции (ср., «считается, что», «думают, что» и т.д.), которые должны быть рассмотрены с этой точки зрения и, возможно, выделены в особый прагматический класс.

* * *

Рассматривая те явления и те процессы, которые приводят в конечном итоге к образованию знака в культуре, в дискурсе, в языке, мы только

лишь подошли к незримой, неосязаемой, неуловимой грани, где соприкасаются две важнейшие сферы, управляющие всеми жизненными, коммуникативными, ментальными, языковыми процессами – к стихии эмпирических фактов и к системе валоризованных элементов. Человек как индивид наблюдающий, мыслящий, коммуницирующий и социум как общность управляющая, направляющая и регулирующая являются непосредственными участниками этого процесса, более того его деятелями.

Индивид и социум, «я» и «другие» - дихотомия, являющаяся непременным условием образования любой семиотической системы. Кто важнее в этой дихотомии – наблюдающий и мыслящий индивид или управляющий и регулирующий социум? Скорее, их постоянное взаимовлияние. Влияние, воздействие – вот ключевая идея и двигатель процесса образования знака. Однако влияние «других» часто бывает виртуальным: сам индивид в своём воображении, рефлексировав, говорит себе: «А что подумают другие?» В этой «всеобщей психологии» первым увидел закономерность Джон Локк и назвал его «законом доброго имени». «Суть его состоит в том, что каждый индивид находится в фокусе внимания своего социального окружения, которое формирует некоторые оценочные суждения о нём, судит его с точки зрения принятых в этом социуме норм и правил. И каждый индивид, всегда связанный со своим окружением и зависимый от него, озабочен тем, каковы эти суждения, и учитывает их /.../. В своём поведении он учитывает, что говорят и, как ему кажется, думают о нём, и, в то же время, он сам тоже участвует в этом бесконечном процессе взаимооценок. Поэтому, чтобы не быть "белой вороной" и не получить низкие оценки от других, он сам должен судить других, исходя из тех же критериев, что и они /.../. Это расширение "закона доброго имени" до "закона мнений" описал Дэвид Юм. А в XX веке основоположник символического интеракционизма Джордж Мид дал этому феномену название — «обобщённый другой»¹⁰.

В социуме с высокой плотностью валоризации прагматическая роль индивида-деятеля, «самостоятельного коммуниканта», активно координирующего факты эмпирии с валоризованной системой и способного выходить за её границы, минимизирована. В таком обществе царствуют «обобщённый другой», «масса». «Масса любит плотность. Она никогда не может стать слишком тесной или слишком плотной. Не должно быть чего-то в промежутках между людьми, не должно вообще быть промежутков, по возможности всё должно стать ею самою»¹¹.

Наша жизнь полна стереотипов, за которыми обыватель часто скрывает свои истинные чувства: так удобнее, так человек застрахован от непо-

---

¹⁰ **Ослон А.** Мир теорий в эпоху «охвата» - <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/652>

¹¹ **Канетти Э.** Масса и власть. - <http://knijky.ru/books/massa-i-vlast>

нимания, а подчас и от преследования, ему комфортнее в «массе». Но в жизни многих наступает всё-таки «момент истины», и тогда в человеке пробуждается «индивид-деятель» и он находит в себе силы прорвать «ментальный панцирь» валоризованной системы.

Ключевые слова: валоризация, валоризованная система, эмпирическая система, речевые стереотипы, ментальные стереотипы

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Վալորիզացիան կյանքում և լեզվում – Հոդվածը նվիրված է արդի նշանագիտության և լեզվաբանության կարևորագույն հարցերից մեկին՝ նշանի գոյացման մեխանիզմներին և փորձնական (էմպիրիկ) փաստի արժեքավորմանը: Վալորիզացիան (արժեքավորումը) բնորոշ է մշակութային բոլոր ոլորտներին, մասնավորապես՝ լեզվի և խոսքի միավորներին: Հետևաբար հոդվածում փորձ է արվում վերծանել և նկարագրել այն շարժառիթներն ու գործառնությունները, որոնք հանգեցնում են նշանի ձևավորմանը՝ թե՛ հասարակական կյանքում, թե՛ մշակութային ցանկացած ոլորտում և թե՛ լեզվում:

Բանալի բառեր – վալորիզացիա (արժեքավորում), արժեքավորված համակարգ, փորձնական (էմպիրիկ) համակարգ, խոսքային կարծրատիպ, մտքային կարծրատիպ

ROUZAN GRDZELYAN – Valorization in Life and in Language. – The article is devoted to one of the most important problems of modern semiotics and linguistics - the problem of the transformation of empirical fact in sign. Valorization is characteristic of all cultural spheres, particularly in the language and speech. The article attempts to dissect and describe the causes and processes that lead to the formation of the sign - in society, in the field of culture and language.

Key words: valorization, valorization system, empirical system, speech stereotypes, mental stereotypes

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Братская помощь пострадавшим в Турции армянам».

Литературно-научный сборник.

Репринтное воспроизведение издания 1898 года. М., 2015, 960 с.

Отмечавшаяся в 2015-ом и вызвавшая широкий резонанс 100-летняя годовщина геноцида армян в Османской Турции актуализировала возвращение в поле внимания современного читателя с определенными историко-культурными, а также и историко-политическими интересами замечательного памятника – уникального, можно сказать, по замыслу своему, по назначению и исполнению литературно-научного сборника под названием «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам».

Этот тысячестраничный (без малого) фолиант задуман был и создан воистину подвижническим трудом одного человека – **Григория Аветовича Джаншиева** (1851-1900), о котором в своих воспоминаниях о нем Александр Амфитеатров сказал так: «В каждом поколении есть люди таланта, люди ума, люди действия. В поколении шестидесятых годов Джаншиев был бесспорно и умен, и талантлив, и деятелен, но, главным образом, он был человеком света, светоносцем»¹.

Автор получившего широкое распространение, многократно переиздававшегося капитального труда «Эпоха великих реформ» (семь переизданий с 1892-го по 1900 г.), видный публицист, правовед, многолетний сотрудник, а затем соредактор-издатель крупнейшей газеты «Русские ведомости», глубоко образованный и разносторонне деятельный Григорий Джаншиев пользовался и известностью, и большим уважением в русской общественной среде, в кругах культуры, литературы, науки. Он состоял в личных контактах со многими крупными учеными своего времени, с историками и правоведами, с писателями и журналистами. В течение трех десятилетий горячо и талантливо откликался он на многие события и проблемы русской жизни. Горячо и тревожно писал он и об «армянском вопросе» – стремился привлечь внимание к своим сородичам, к тяжелому положению армян-христиан в Турции, распространить в России знание о родной ему нации как носительнице богатого исторического и культурного опыта, об участии армян в разные периоды и в различных сферах жизни русского государства.

В силу событий, произошедших в Турции в 1890-е годы, а также и в силу определенных тенденций, проявлявшихся в правительственной поли-

---

¹ **А. В. Амфитеатров.** Армянский вопрос. Составление, вступ. статья, примечания Н.А. Гончар, Г. К. Мирзоян. Ер., 2015, с.102.

тике России (зачастую и в обывательском сознании) «армянская тема» становится в это время для Джаншиева главной, центральной, обращение к ней – насущной необходимостью.

Страшной трагедии геноцида, развернутого в 1915 году, предшествовала, можно сказать, своя генеральная репетиция – массовое истребление и ограбление армян по всей Абдул-Гамидовской Турции, развернутое в 1895-1896 гг. (десятки тысяч убитых, сотни тысяч как беженцев, так и обнищавших, и насильственно обращенных в мусульманство). Глубоко переживая совершившееся, сострадав жертвам «зверства», и предпринимает Джаншиев создание и издание в 1897-м и (с дополнениями) в 1898 году сборника «Братская помощь...», в котором приняли участие многие отозвавшиеся на его инициативу русские ученые, деятели культуры, писатели. На собранные с распространения этого сборника деньги (60 000 руб.), при посредстве русского посольства в Константинополе и патриарха Орманиана, в различных местностях Турецкой Армении было открыто 12 приютов².

Приведем сказанное об этом создании Джаншиева академиком А.Ф.Кони: «Последние годы жизни Джаншиев посвятил лихорадочной работе в пользу своих несчастных соотечественников, сделавшихся жертвою турецких насилий и гонений, вызвавших вопиющую нищету. Он предпринял издание и редактирование обширного сборника «Братская помощь армянам». Достаточно взглянуть на богатое и разнообразное его содержание, на превосходные портреты и факсимиле, на пестрое собрание известных в литературе и науке имен авторов статей, чтобы понять, каких трудов, хлопот, личных объяснений и разъездов стоило все это слабому здоровьем Джаншиеву. Сборник вышел двумя изданиями и принес шестьдесят тысяч рублей в пользу пострадавших. Этой широкой помощью несчастным почти заключилась общественная деятельность Джаншиева. Его сердце устало тревожно биться за дорогие ему учреждения и болезненно сжиматься за страждущих...»³.

Почти сто двадцать лет прошло со времени появления замечательного и по гуманной своей миссии, и по насыщенности ценнейшим материалом (историческим, культурным, литературным), и по художественному оформлению⁴ джаншиевского сборника. В советские десятилетия сама фи-

---

² Подробно о личности и деятельности Г. А. Джаншиева см.: **Н.А. Гончар**. Г. А. Джаншиев и страницы о нем в мемуарной прозе Андрея Белого. // Сб. «Литературные связи». Т.3. Ер., изд. ЕГУ, 1981, с. 179-209. То же в кн.: **Андрей Белый**. Армения. Ер., 1985, с. 161-195; Ер., 1997, с. 176-210.

³ **А.Ф.Кони**. Памяти Григория Аветовича Джаншиева. – В кн.: Г.А. Джаншиев. Сборник статей. Под редакцией В.П.Обнинского. М., 1914, с. XXIII.

⁴ В сборнике помещено 160 портретов и иллюстраций, среди них многочисленные виды армянских местностей, городов, исторические памятники архитектуры, искусства, иллюстрации этнографического характера, портреты выдающихся деятелей-армян, в том числе российских (Лорис-Меликов, Лазаревы, Айвазовский, Г. Кананов, Н.Эмин, К.Патканов и др.), армянских патриархов. В нем четыре оригинальных рисунка, присланных И.Айвазовским, и шесть заставок-иллюстраций, выполненных другим мастером живописи – В.Суренянцем.

гура Джаншиева – автора «Эпохи великих реформ» и к тому же одного из возбудителей «армянского вопроса» – по причинам идеологического и политического порядка была убрана из виду, его труды, его публицистика, три книги его путевой прозы, насыщенной впечатлениями и раздумьями, постигла участь библиотечных раритетов, в том числе и «Братскую помощь...», которая до самого последнего времени доступна была интересующимся ею лишь при обращении к столичным библиотечным фондам как в России, так и в Армении.

Между тем расширение читательского круга знакомства с этим сборником, который взял на себя и просветительски-высококультурно исполнил гуманную, благородную миссию, документально осветил вышеозначенные трагические события своего времени и международную реакцию на них, свел воедино энциклопедически богатый материал, отразивший армяно-русское взаимодействие, «возвращение» этого сборника – в свете событий уже нынешнего времени и нынешних армяно-российских взаимоотношений – стало все более осознаваемой задачей. Решение этой задачи состоялось в канун и в год 100-летия геноцида армян, сначала двумя репринтными изданиями (небольшими тиражами, но полиграфически отличными), осуществленными в Ереване, а затем и репринтным изданием в Москве, уже солидным по нынешним временам тиражом – 5 000. Открывается это издание вступительной статьей («Армянское евангелие Григория Джаншиева»), написанной его заслуживающим благодарности спонсором, доктором политических наук Арамом Карапетяном.

Ограничимся в нашей общей характеристике этого многопланового сборника и присмотримся к вовлеченности в него – во множестве имен, многообразии тем и жанров – авторов, представляющих культуру, литературу, науку, общественную мысль России. Таких авторов, предоставивших к помещению в сборнике свои тексты, больше пяти десятков. Кроме того – здесь более двух десятков тематически созвучных сборнику стихотворных текстов. Какая-то часть их взята из русской поэзии (полностью или в извлечениях): напр., из Тютчева – «Не в первый раз волнуется Восток...» и др., из Ап. Майкова – отрывок из «Клермонского собора», из А.К. Толстого – «Вы, чьи лучшие стремления//Даром гибнут под ярмом...» и др., из А.М. Жемчужникова – «Многотруден мой путь...» и др., из К.Р., «Стон» из Бальмонта – «О Господи! Молю Тебя!.. Приди!», из Н. Минского, И. Белоусова и др.; особое внимание привлекает помещенный здесь большой отрывок из «Сварогова» Вл. Шуфа под заголовком «Избиение армян в Константинополе» (строфы XX-XXX, строфа – 16 строк). Другая часть – тексты русских переводчиков как из мировой, так и, в частности, из армянской поэзии, и здесь стоит отметить, что именно со страниц дважды изданного джаншиевского сборника последовал во все дальнейшие из-

дания и выполненный К.Бальмонтом перевод стихотворения Ов.Туманяна «Концерт», и его же ранее выполненный, но оставшийся в неизвестности перевод сегодня хорошо известной баллады Туманяна «Ахтамар»⁵.

Благодаря личным контактам в российской научной («профессорской») и литературной среде, благодаря, как об этом сказал А.Ф.Кони, «трудам, хлопотам, личным объяснениям и разъездам» Григория Джаншиева в изданиях его сборника мы видим (читаем) интереснейшие тексты, подписанные такими именами, как профессора-историки П.Н.Милюков («Университетский курс Грановского»), М.В.Никольский («Древняя страна Урарту/Арарат/»), В.И.Герье («Призвание России на Востоке»), Н.Я. Марр («Ани, столица древней Армении»), Р.Р.Штакельберг («Несколько слов о значении армянских историков для изучения Сасанидской Персии»), Л.А.Камаровский («О реформах в Турции» и «Об армянском вопросе»), как крупнейшие правоведы В.Д.Спасович и П.Н.Обнинский. Мы читаем здесь «Письмо о восточном вопросе» философа Владимира Соловьева, знакомимся с очень, на наш взгляд, и сегодня востребованными «мыслями по поводу механического обрусения» другого философа Василия Розанова, а также с очень созвучными и нашим сегодняшним дням статьями К.А.Тимирязева («Фотография и чувство природы»), И.Р.Тарханова («О воображаемом банкротстве науки») – всего не назовешь, да и названного достаточно, чтобы представить уровень русского участия в научном наполнении сборника.

Несколько подробнее остановимся на участии в литературном его наполнении, привлекая внимание к наиболее значительному и выделив, в частности, ряд состоявшихся в сборнике первопубликаций.

Прежде всего отметим, что на обращение Джаншиева отозвались два великих русских писателя – Лев Толстой и Антон Чехов. Отозвались они в различной форме. В ноябре 1897 года Чехов послал в редакцию газеты «Русские ведомости» один из поздних своих рассказов – «На подводе». Рассказ этот, напечатанный в №352 (21 декабря), соредактор-издатель газеты «Русские ведомости» Джаншиев, по договоренности с автором, включил во второе издание своего сборника, что явилось по существу первопубликацией в книжном издании, и, соответственно, в современных изданиях собрания сочинений Чехова в примечаниях к рассказу указываются, как первые, обе публикации – в газете и в сборнике «Братская помощь...»⁶.

Лев Толстой отозвался на обращение к нему Джаншиева письмом и согласился на публикацию в сборнике полного факсимиле его письма.

---

⁵ Перевод этот предназначался для предпринятого и подготовленного Ю.Веселовским и М.Берберяном двухтомника «Армянские беллетристы, драматурги и поэты» и вошел в состав т.2, не появившегося в свет. О цензурном запрете и о сожжении тиража см. в предисловии **К.Н.Григоряна** к составленной им библиографии «Армянская литература в русских переводах. Выпуск первый (1786-1917)», с.11.

⁶ См., напр.: **А.П.Чехов**. СС в 12-ти томах. Т. 8. М., 1956, с.530.

Приведем здесь текст этого письма: «Милостивый государь Григорий Аветович, очень сожалею о том, что не могу принять деятельного участия в предпринятом Вами добром деле. Болезнь и другие обстоятельства помешали мне докончить то, что я намеревался предложить Вам в Сборник. От всей души желаю ему успеха и достижения цели, ради которой он предпринят. С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам. Лев Толстой. 17 апреля 1897» (Введение, с.LXXIY).

В литературном «составе» сборника рассказы, стихи, переводы, мемуарные страницы, принадлежащие Д.Н.Мамину-Сибиряку, Н.Н.Златовратскому, А.Ф.Кони, В.А.Гиляровскому, профессорам В.Ф.Миллеру и Н.И.Стороженко и др. Особый интерес представляют страницы воспоминаний доктора Н.А.Белоголового о графе М.Т.Лорис-Меликове (с.269-281), а также несколько осуществленных в сборнике литературных первопубликаций, а именно: В.Г.Белинский. Из переписки с женою (Отд. I, с.3-10); А.И. и Н.А.Герцены. Из Владимирской жизни. Письма мужа и жены. *С предисловием и примечаниями Е.С.Некрасовой* (I, с.26-36); Последние письма М.Е.Салтыкова-Щедрина к Н.А.Белоголовому (I, с.497-500). От кого и как были получены эти ценные эпистолярные материалы, узнаем из сделанных к публикации детальных примечаний редактора. Так, в пространном примечании к письмам Белинского к жене изложена история их разыскания сестрой адресата (г-жой Орловой), после чего говорится, что из найденных писем первая половина, относящаяся ко времени до женитьбы, была напечатана («Почин», 1896), и далее: «Вторая половина относится к последним поездкам больного Белинского на юг России и за границу. – Извлечение из этой, довольно обширной, переписки печатается впервые» (с.3). В другом примечании (от Г. Д.) читаем: «С Н.А.Белоголовым Салтыков познакомился в качестве пациента в 1874 г., но потом они близко сошлись и вели оживленную переписку, которую обе стороны подерживали охотно и регулярно /.../ После Белоголового осталось 117 писем, написанных к нему Салтыковым с 1875 по 1889 г.– Здесь печатаются три последние письма Салтыкова, из коих самое последнее писано им, за 7 дней до смерти, карандашом и уже дрожащею рукою. – Письма любезно доставлены для сборника вдовой Н.А.– С.И.Белоголовою... » (с.497). Еще одну замечательную первопубликацию представляет в сборнике историк литературы и журналист (активный сотрудник многих периодических изданий и, в частности, газеты «Русские ведомости») Екатерина Некрасова. Завязавшая за границей отношения с А.И.и Н.А. Герценами, Некрасова любовно собирала все относящееся к Герцену и его окружению, положила начало сосредоточению рукописного наследия Герцена в Москве, и именно в джаншиевском сборнике осуществила она публикацию комментированной подборки хранимых ею герценовских писем. Таким образом, «Братская помощь...» вобрала в себя ценный в историко-литературном отношении эпистолярный материал благодаря отзывчивости

его хранителей и, конечно, личной инициативе и авторитету ее составителя. Этим же объясняется и публикация в сборнике трех переводов, принадлежащих Ф.Е.Коршу (1843-1915) – крупному ученому-филологу, переводчику, публицисту и педагогу (с 1892 г. преподававшему, в частности, персидскую словесность в Лазаревском институте восточных языков), профессору, академику Петербургской АН, автору фундаментальных филологических исследований, стиховеду, давшему описание ряда национальных версификационных систем, переводчику поэзии со многих языков. В «Братской помощи...» опубликованы три перевода Ф.Е.Корша – два с греческого и один, уникальный, из армянской поэзии – стихи под заголовком «Айрик» и с подзаголовком «Песня ашуга», с армянского. Из указанной ранее библиографии К.Н.Григоряна можно узнать, что это стихи поэта-ашуга Серовбе Левоняна (1846-1909), под псевдонимом Дживани продолжившего традиции ашугской поэзии знаменитого Саят-Новы. Можно увидеть и то, что сделанный специально для «Братской помощи...», помещенный в обоих ее изданиях, замечательный по тонкости, мастерству, по естественности, народности звучания перевод Ф.Корша только на страницах этого сборника и остался – не оказалось его ни в известной Брюсовской антологии «Поэзия Армении» (1916), где Дживани представлен тремя переводами самого В.Брюсова, ни в тогда же под редакцией А.М.Горького изданном «Сборнике армянской литературы». Тем более, нам кажется, стоит привести здесь эти стихи, познакомить современного читателя с ними. «Айрик» – так по-родному называл народ своего пользовавшегося особой любовью католика Мкртича I Хримяна, вступившего на патриарший престол в 1893 году.⁷ О нем и эта «песня ашуга», 120 лет назад переведенная для Джаншиева Ф.Коршем:

Айрик, Айрик! Тот край, где ты возрос,
Васпуракан родной, тебе доставил
Колочки злые вместо нежных роз,
И к каждой скорби новых тьму прибавил.

---

⁷ Личность и деятельность католика Мкртича I освещаются в сборнике в статье (от редактора) на с.396-406. Приведем извлечение из нее: «Поэт, публицист, педагог, выдающийся духовный вития и самоотверженный народно-общественный деятель, он пользуется необычайной популярностью среди армян, без различия общественного положения. Взамен пышных титулов, подобающих его сану, народ дал архиепископу Хримиану трогательное прозвище «отец родной» (айрик). И он действительно был в полном смысле слова «родным отцом» для своей паствы, как бы воскрешая в своем лице те времена, когда пастыри клали душу за паству свою. Живя в обстановке почти анахорета, о.Хримиан делился всем, что только имел, с нуждающимися /.../ Когда же не хватало его личных средств, всегда крайне скудных, он не уставал представлять за бедных пред богатыми и сильными мира сего /.../ Помимо других знаков преданности и уважения, маститый иерарх удостоился беспримерной дани признательности от своего народа. Еще при жизни своей он попал в народный эпос: армянские слепцы-ашуги от берегов Ванского озера до Кавказа уже ныне воспевают /.../ добрые дела и беззаветную преданность народу своего любимого айрика » (с.396, с.405-406).

Вот май приходит с песней соловья,
Чтобы из почек вызвать к жизни росы,
Но, вдруг шипов нагие остря
На месте роз увидев, пролил слезы.

Айрик сказал: «Мне родины моей
Шипы милее роз чужого края,
И вновь пойду меж колких я ветвей
Искать, где скрылась розы молодая.

Из этих терний, острых как игла,
Венец плетите мне без опасенья:
Красой он будет моего чела;
Оно с восторгом примет уязвленья.

Айрик, Айрик, сроднился уж давно
С твоим челом священным пот кровавый.
Когда ж безвредным розам суждено
Во всем цвету венчать тебя со славой?

Наконец, хотелось бы обратить здесь внимание на приводимую в «Заключительном послесловии» Джаншиева к сборнику статью В. Розанова (в «Новом времени» от 14 июля). Статью эту, касающуюся «столь обострившегося в последнее время вопроса о положении инородцев в России», Джаншиев характеризует как «знамение поворота общественного сознания по армянскому вопросу на почву вековых традиций России по отношению к христианам, отклонение от коих, причинив армянам неисчислимыя бедствия, отразилось вредно и на интересах России» (Отдел II, с.173). Поскольку высказанное в этой статье выдающимся мыслителем Василием Розановым корреспондирует с актуальными и сегодня проблемами благоприятного построения отношений между народами, знакомым нашего читателя с таким из нее извлечением, пространственность которого, думается, будет понятна:

«Черненькие и белые головки детей, оригинально перепутывающиеся в Кисловодском парке, навели меня на мысли о современной националь-

ной перепутанности; и странно, их игры завели в лабиринт далеких политических соображений. Дети – всякие и везде прекрасны; они везде – слиты. Вот два черные армяненка, года по четыре каждому, ведут трехлетнюю блондинку. Сколько бережливости, чтобы, переступая через дождевую канавку, она не запнулась. С другой стороны, около армянских детей – везде русские няни, здорового и доброго московского типа. Я совершенно не видел около армянских детей армянок-нянек. /.../ И вот в пределах уже существующей у нас национальной переплетенности мне хочется не развить, но дать один только намек на возможность иной политики, мысль коей, очень давняя, как-то конкретно шевельнулась у меня при зрелище играющих детей в Кисловодском парке.

Дети не только шадят «национальную исключительность»: они ее культивируют, ее требуют, ее хотят. Вот странное до дикости отношение, при котором вдруг эта исключительность теряет «нож в себе», тупеет, стесывается; вы около нее вращаетесь и не только не обливаетесь кровью, но испытываете какое-то ласкающее, бархатистое впечатление. Все, что по закону ненависти и на почве обезличения не только не удавалось до сих пор, но и очевидно никогда не удастся, – все это по закону любви и на почве культуры нравственно-народного лица разрешается само собою. Я говорю, что дети-армяне с великою бережливостью ведут русскую девочку; а русская няня, на вопрос о способностях армянского двухлетка, отвечает: «преспособный!». И вот обеих наций и нет в одно и то же время, и есть они, т.е. они есть, только не режутся острыми краями. Края стесаны; остались закругленные сердцевинки, которым не больно лежать друг около друга /.../ Я знаю, что мысли мои вызовут много протестов; что же, я ведь даю не программу, а почти мечту. «Не раскололась бы Россия», говорят ее фактические и недалекие расколыватели; я же к политическому цементу прибавляю и моральный: «послужиши всем – да и тебе послужат»» (там же, с.174, с.178,179).

Отзываясь на «Братскую помощь...» в газете «Петербургские ведомости», журналист В.А.Гольмстрем сказал о ней так: «*Эта книга – симфония. Она полна поэзии, красок, идей, добра, труда и человеческого достоинства. Она властно проникает в душу. Звучит в ней чудными аккордами и вызывает вдохновение. Этот сборник – одно из светлых явлений нашего времени, он – как бы энциклопедия, хрестоматия добра. Такая книга воспитывает...*» (Предисловие /составителя Сб./, с. В).

Хорошо, что такая книга, которая *проникает в душу*, которая *воспитывает*, сегодня возвращена читателю.

НАТАЛИЯ ГОНЧАР

Светлана Салтанова. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи. 1941 – 1961 годы. Москва. Дом-музей Марины Цветаевой. 2015, 343 с.

Марина Цветаева – ее поэзия и драматургия, автобиографическая, мемуарная, аналитическая и дневниковая проза, эпистолярный и сделанные ее рукой выписки из рабочих тетрадей – возвращалась к отечественному читателю очень долго. Точнее будет сказать, что путь ее возвращения, по большей части пройденный, не завершен и сегодня – открытый ныне (с 2000 года) фонд Цветаевой в РГАЛИ хранит еще немало непрочитанной и неосмысленной информации. Причем не только той, которая при подробном изучении рукописей поэта поможет понять внутренние механизмы творчества, уточнить момент возникновения и процесс реализации того или иного замысла, но и той, которая способна осветить сам путь возвращения, а по сути не возвращения даже, а почти с нуля начинавшегося когда-то открытия великого события русской литературы XX века, имя которому Марина Цветаева.

Сведения этого второго рода и поднимает Светлана Салтанова, чтобы, присоединив их к уже опубликованным, но в ее книге впервые, пожалуй, сведенным вместе и сложенным в единую картину, рассказать о том, как происходило возвращение поэта, с какими препятствиями сталкивалось, чьими руками осуществлялось, каким терпением, какими усилиями, чуть ли не ухищрениями сопровождалось. И еще – поставить вопрос: когда же оно началось? Что считать его истоком? Поставить вопрос – и ответить на него, причем, ответить убедительно и увлекательно.

Как известно, первая посмертная книга Цветаевой в отечестве увидела свет в 1961 году. С него привычно и ведется отсчет. Что как будто логично и понятно, ибо все основные журнальные публикации, а также книжные издания – со временем все более многочисленные и многотиражные – последовали вслед за ней. Но С. Салтанова обычай этот нарушает и книгу свою 1961 годом не открывает, а завершает. Слегка, впрочем, нарушив демаркационную его линию и заглянув в январь 1962-го, когда Постановлением Секретариата Союза писателей СССР была создана комиссия по литературному наследию Марины Цветаевой. То есть доходит в своем повествовании до издания «Избранного» и создания Комиссии, призванной заботиться о дальнейшем возвращении.

Все, что было потом и длится вот уже пятьдесят пять лет, в нарушение традиции или, во всяком случае, хронологии помещает в самое нача-

ло книги – в своеобразное предисловие, где в перечислительном порядке выстраиваются легендарные издания Цветаевой, «случившиеся» на волне «оттепели»: помимо сборника 1961 года, том стихов, поэм и драматических произведений, вышедший в большой серии «Библиотеки поэта» в 1965-м, «Мой Пушкин» (1967), книга переводов «Просто сердцу» (1967). Здесь же будут упомянуты журнальные публикации 1960-х годов, каждая из которых в те времена была – без преувеличения – на вес золота. Ибо, не считаясь с глухим сопротивлением надзирающего главлитовского ока, возвращала страницы цветаевской прозы, ничуть не уступающей ее поэзии. Среди периодических изданий, включившихся в этот процесс, кроме центральных, были и периферийные, а среди последних названа и «Литературная Армения», которая дважды (1966, 1968) открывала свои двери Цветаевой, дважды знакомила своего читателя с ее воспоминаниями о поэтах-современниках: об Осипе Мандельштаме и о Максимилиане Волошине.

Там же, в Предисловии-преамбуле, сказано о последовавшем в 1970-е периоде молчания, которое в 1980-е годы сменится новой волной «возвращения» (вышло около 70 книг общим тиражом 8,3 миллионов), чтобы в 1990-е и 2000-е принять уже всеохватный характер: издаются письма Цветаевой, первое в России собрание сочинений в семи томах, потом приходит черед обнародования архивных материалов, среди которых «Сводные тетради», «Записные книжки» (2 тома), переписка с Б. Пастернаком, К. Родзевичем, Н. Гронским и многое другое. Появляются фундаментальные жизнеописания поэта (впервые в России – А. Саакянц¹, В. Швейцер, И. Кудрова), воспоминания о Цветаевой. Хотя, впрочем, мемуарная линия возвращения начала пусть и пунктирно вычерчиваться гораздо раньше – еще в 1960 годы: фрагменты мемуаров Анастасии Цветаевой увидели свет в 1966-м («Новый мир», № 1, 2), мемуарный очерк Ариадны Эфрон «Самофракийская победа» в 1967-м («Литературная Армения», № 8).

Ариадна Эфрон – дочь Цветаевой, единственный член семьи, переживший войну и последнее десятилетие сталинизма – главная героиня книги С. Салтановой. Ибо в первую очередь ее усилиями началось возвращение. Но прежде чем приступить к документальному повествованию о нем, Салтанова все в том же небольшом по объему (неполных 20 страниц), но очень емком Предисловии скажет, из *какого* забвения предстояло извлекать Цветаеву: три дореволюционные ее книги, мизерным тиражом изданные, даже если и попали в свое время в библиотеки, еще в 1920-х были бы оттуда выкинуты, ибо «библиотеки страны массово очищались от книг

---

¹ Ее вторая книга, охватывающая весь путь поэта (первая – «Страницы жизни и творчества (1910 - 1922)» – 1986), «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» выпущена дополнительным, восьмым, томом к собранию сочинений Цветаевой в 1997 году. У С. Салтановой неточно назван 1999-й. (Еще одна неточность замечена нами на с. 56. Она касается встречи М. Цветаевой с сестрой Анастасией в пореволюционной Москве).

со старой орфографией» (с. 8); послереволюционные «Версты» были по приказу Главлита изъяты из продажи в 1931-м, их дальнейшая участь либо уничтожение, либо заточение в закрытых фондах – спецхранах; книги Цветаевой, напечатанные в Берлине, Праге и Париже, равно как и западные периодические издания с ее публикациями, в Россию, конечно же, попадали, но «складировались в спецхранах по определению», ибо «распространять “белоэмигрантов” возбранялось» (с. 8).

И последнее, что предпосылает Салтанова основному корпусу своей книги, это формулировка поставленной цели: дать «связку личных судеб с судьбой страны, определившую начальный и самый драматичный период возвращения творческого наследия Марины Цветаевой в Россию – от забвения после 1941 года до выхода сборника “Избранное” в 1961-м» (с. 24).

Из чего этот период складывался? Какими были первые шаги к возвращению?

Собственно, первый шаг был направлен к *сохранению* рукописей Цветаевой. Его А. Эфрон предпримет сразу после того, как ей спустя год после самоубийства матери сообщат о ее смерти. Предпримет, находясь в исправительно-трудовом лагере, куда и пришло летом 1942-го письмо Елизаветы Эфрон со скорбной вестью (его текст и факсимиле приводится в книге со ссылкой на РГАЛИ, то есть публикуется впервые²). В первом же ответном письме, как и в последующих, А. Эфрон будет настойчиво спрашивать о судьбе бумаг, книг, фотографий – всего литературного наследия Цветаевой. В августе подаст прошение о пересмотре своего дела, получит отказ и начнет из мест не столь отдаленных организовывать сохранение материнского архива. Одна его часть находилась у Е.Эфрон (сестра мужа Цветаевой) и беспокойства не вызывала, другую Цветаева незадолго до своей эвакуации отдала на хранение поэту Борису Садовскому. Подвальная комната в одном из строений Новодевичьего монастыря, где жил разбитый параличом Садовской, в первые, самые страшные для Москвы годы войны была своеобразным сейфом, надежным укрытием от бомбежек. В этом отношении Цветаевскому архиву ничего не угрожало. Но оставлять рукописи в чужих руках (которые, заметим кстати, все невоспроизводимое сохранили) все же не хотелось. После настойчивой переписки, приведенной в книге в основном по материалам РГАЛИ, эту часть архива 11 марта 1943 года Самуил Гуревич (А.Эфрон считала его своим мужем) перевез к Е. Эфрон – в коммунальную ее квартиру. Теперь все на тот момент доступное было собрано в одном месте, а заботиться о пополнении архива было, по обстоятельствам времени, невозможно.

Следующий шаг будет сделан спустя семь лет. За этот период закон-

---

² Далее ссылки на этот источник будут помечаться в тексте в скобках.

чился лагерный срок А. Эфрон, два года она провела на свободе, но без права проживания в столицах, а потом, в феврале 1949-го, на волне повторных арестов была пожизненно сослана в Красноярский край. И вот в ссылке у нее возникает идея подготовить и издать хотя бы маленький «сборничек» стихов матери, приуроченный к 10-летию смерти. Она просит Б. Пастернака разыскать и прислать ей циклы стихов к Пушкину, к Маяковскому и к Чехии. И обращается с письмом к Сталину, считая, что «только он может решить этот вопрос», и зная «насколько он внимателен в таких вопросах» (с. 59). Письмо это либо не сохранилось, либо томится в засекреченном и по сей день фонде. Так или иначе, но поиски Салтановой в Гос. архиве социально-политической истории не дали результатов. Но о том, что письмо было отправлено, свидетельствуют слова А. Эфрон, адресованные Е. Эфрон: «Ответа от И.В. еще не имею, как только и если получу, непременно сообщу» (с. 69).

Ответа не последовало. И последовать, разумеется, не могло. Салтанова, впрочем, это «разумеется» в согласии со своей установкой «дать связку личных судеб с судьбой страны» расшифровывает: посвящает несколько страниц исторической справке о репрессиях конца сороковых – начала пятидесятых: о возвращении смертной казни, о новых процессах и гонениях, в том числе на литераторов и их уже изданные книги.

Летом 1950 года А. Эфрон получила между тем другое письмо – последнее письмо от С. Гуревича. Он, извиняясь за «проповеднический тон», объяснял его ощущениями человека, «кому ежечасно грозит опасность и вовсе очутиться за бортом созидательной жизни» (с. 72 – со ссылкой на РГАЛИ). Предчувствия не обманули: через две недели после письма в ходе кадровых чисток, не обошедших стороной и ТАСС, сотрудником которого он был, последовал арест, а спустя полтора года и расстрел. Так 1951-й, год десятилетия ухода матери, ознаменовался для А. Эфрон не изданием книги, а еще одной невосполнимой потерей. Доподлинно узнает она об этом много позже, но замолчавшая переписка сама по себе была сигналом более чем красноречивым...

Структурно книга Салтановой делится на разделы, а внутри них на главы. Третий раздел («1953 – 1954. Лед тронулся»), единственный – без разбивки, целиком посвящен судьбам страны. Причины понятны: смерть Сталина, первые амнистии, начало реабилитационной, все более ширящейся волны. Словом, социальные метаморфозы, определившие судьбы миллионов людей, в числе которых была и дочь Цветаевой. Тема «оттепели» 1950-х – начала 1960-х годов неохватно велика и достаточно освещена. Салтанова в кратком, но целенаправленно емком очерке событий дает представление о том, какие сдвиги происходили в культурной сфере (книгоиздание, кинопроизводство, музыкальный театр, Союз писателей), как разнонаправленно действовали номенклатурно-охранительная логика

и, в противовес ей, рванувшаяся к высвобождению творческая стихия. Но так или иначе, со всеми издержками, процесс пошел.

В не столь отдаленной перспективе он сделал возможным следующий шаг к возвращению Цветаевой: в июне 1955 года А. Эфрон, дождавшись реабилитации и «чистого» паспорта, приехала в Москву. И уже в июле – августе начала хлопотать об издании книги стихов. На этом первом этапе ей помогают Э. Казакевич, И. Эренбург, литературный критик и библиофил А. Тарасенков. К концу года их общими усилиями книга составлена, сдана в Гослитиздат и включена в план издательства на 1957 год. Дальше – ожидание и неизвестность. Неизвестность, ибо ни зыбкости общей ситуации, ни цензурного контроля никто не отменял.

В эту паузу ожидания Салтанова, как некую вставную новеллу, вписывает пятый раздел – «Моральный долг зарубежья». В 1950-е годы на Западе, где прошли 17 лет эмиграции Цветаевой, в периодике и антологиях стали регулярно появляться публикации ее писем и стихов. В 1953 году вышла книга «Марина Цветаева. Проза», а в 1957-м – ранее не издававшийся «Лебединый стан». Он стал первой посмертной книгой стихов, «зарубежье вернулось к Цветаевой первым, имея главное преимущество – свободу говорить о личности, исходя из личности» (131). «Говорили» о Цветаевой, собирали материалы, готовили публикации и издания, писали статьи и предисловия люди, как правило, знавшие ее, по прошествии лет по-иному, быть может, увидевшие и понявшие ее «почву и судьбу».

Первая ласточка – книга «Лебединый стан» – не порадовала, а встретила А. Эфрон. То были стихи о Добровольчестве, и она не без оснований полагала, что их издание на Западе станет угрозой для московского сборника. Попыталась даже опубликовать в советской прессе протест против не согласованного с наследниками выпуска книги. На страницы печати протест этот не попал, а ход событий показал, что «беда» пришла с другой стороны. В сентябре 1956-го поступил в продажу сборник «День поэзии» со статьей о Цветаевой (А. Тарасенкова) и 11 стихотворениями, вслед ему, в декабре, увидел свет альманах «Литературная Москва», где Цветаева представлена семью стихотворениями и статьей И. Эренбурга. Казалось бы, можно возрадоваться: десятилетиями длившееся молчание прорвано, а на подступах еще и книга, на издание которой к этому времени подписан с А. Эфрон договор. Она и радовалась, хоть и не без осторожности и оговорок: сохранились ее дневниковые записи (РГАЛИ), которые процитированы Салтановой. Однако в начале 1957 года началась самая настоящая травля: журнал «Крокодил» поместил статью И. Рябова «Про смертяшкиных», «поносящую», как писал Эренбург, «память Цветаевой и упрекающую меня за предисловие» (с.187). На альманах обрушились, помимо «Крокодила», «Литературная газета», «Вопросы литературы», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Правда».

В результате всего этого книга из плана Гослитиздата на 1957-ой была исключена, не попала она и в план следующего года. И это несмотря на то, что сборник был уже сверстан и, отправленный на дополнительное внутреннее рецензирование, получил три в целом положительных отзыва (Вл. Огнев, Н. Степанов, В. Перцов).

Шло время, но и к началу 1960-го никаких подвижек не наметилось. В марте А. Эфрон писала Эренбургу: «На днях буду в Москве, пойду узнавать, в план какого столетия включена – если включена – книга» (с. 221). Однако когда надежда почти иссякла, книга Цветаевой попала в план 1961 года. В урезанном объеме и тираже – но все же попала. Эта метаморфоза была связана с двумя влиятельными именами: А. Твардовского и В. Орлова. Спустя год В. Орлов – известный литературовед, гл. редактор серии «Библиотека поэта» – писал о своем участии А. Эфрон. Он и стал, в конце концов, составителем «Избранного» и автором предисловия. А еще на том же этапе в качестве соредатора к подготовке книги подключилась Анна Саакянц – молодой сотрудник издательства, на последующее десятилетие ставшая верным соратником А. Эфрон. Ей А. Эфрон вскоре после знакомства писала: «У Вас абсолютный на нее (Цветаеву. – Т.Г.) слух, т.е. та одаренность именно к ней, без которой невозможна абсолютная к ней любовь» (с. 249).

Главными источниками, по которым восстанавливает Салтанова этот последний в ее повествовании этап возвращения, названы: переписка В. Орлова и А. Эфрон (РГАЛИ), письма В. Орлова к А. Саакянц (РГАЛИ), книга воспоминаний А. Саакянц «Спасибо Вам!» (М., 1998), второй том трехтомника «Ариадна Эфрон. История жизни, история души» (М., 2008, сост. Р. Б. Вальбе), наконец – воспоминания соредатора «Избранного» А. Козловского, записанные самой Салтановой.

Как видно из самого перечисления источников, многое вводится в оборот впервые. Вводится и дает возможность вживе увидеть, из чего складывались последние месяцы подготовки книги: как выверялся ее состав, по чьей инициативе из нее были исключены поэма «Мо'лодец» и пьеса «Феникс», но неприкосновенными остались вершинные поэмы «Горы» и «Конца», в какой помощи нуждался В. Орлов при составлении сборника и написании предисловия, в какие сжатые сроки шел многострадальный сборник к финишной прямой встречи с читателем, как по ходу его создания замаячил пока еще только призрак второй Цветаевской книги в отечестве – тома в большой серии «Библиотеки поэта».

О нем – в первом же письме В. Орлова к А. Эфрон: «Когда я окончательно выработаю состав книги, я сообщу его Вам – посоветуемся еще раз. Вообще буду просить у Вас помощи, особенно когда речь пойдет о большом томе, в котором Вы должны будете принять непосредственное уча-

стие (для «Биб-ки поэта» нужны будут все сохранившиеся рукописные материалы, варианты и проч.)» (с. 240, со ссылкой на РГАЛИ). Но до этого, пополняя архив, сверяясь в спецхране с западными публикациями (чем на протяжении лет занималась А.Саакянц), надо было еще дожить.

А пока – в год двадцатилетия смерти Цветаевой – главной задачей было выпустить первую книгу. Излишне говорить, как хотелось А. Эфрон увидеть ее в августе, в последний день которого ушла из жизни ее мать. Но эта мечта не сбылась. Из-за перегруженности типографии, готовящей материалы к XXII съезду КПСС, «Избранное» появилось в конце сентября. Снова, и не в последний раз, переплелись личные судьбы с судьбой страны. В той же связке оказался и курьезный, на наш сегодняшний взгляд, факт: сборник Цветаевой продавался в книжном киоске, работавшем в дни съезда в Кремле.

Но вернемся к личным судьбам. Имя А. Эфрон чудом попало на одну из молозаметных страниц выстраданной ею книги. Но все же попало. А 10 октября она писала В. Орлову: «Вокруг книги в Москве творится *невообразимое*. Получаю много писем от доставших, а еще больше от не доставших книжечку. На “черном рынке” цена уже десятикратная <...> О Вашей статье со всех сторон доходят *очень* хорошие отзывы» (с. 278, со ссылкой на РГАЛИ).

Так наконец случилось Возвращение. И благодаря С. Салтановой мы имеем сегодня возможность пройти его тернистыми путями, о которых рассказано с исследовательской тщательностью, счастливым образом сочетающейся, однако, с живой стилистикой, с богатством и раскованностью языка и мышления.

ТАТЬЯНА ГЕВОРКЯН
(Москва)

ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. **Магда Джанполадян** – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и критики ЕГУ
Մագդա Ջանփոլադյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, ԵՊՀ գրականության տեսության և քննադատության ամբիոնի պրոֆեսոր
Magda Janpoladyan – Sc. D. in Philology, Professor of the Theory of Literature and Criticism Chair, YSU
Эл. почта: magdalena.janpoladyan@ysu.am
2. **Галина Доброзракова** – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ПГУТИ), Самара
Գալինա Դոբրոզրակովա – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, Պովոլժիեի հեռահաղորդակցության և տեղեկատվության պետական համալսարանի հասարակայնության հետ կապերի ամբիոնի պրոֆեսոր, Սամարա
Galina Dobrozrakova – Sc. D. in Philology, the PR Department's Professor of Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara
3. **Ирина Высоцкая** – доктор филологических наук, профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа Новосибирского национального исследовательского государственного университета
Իրինա Վիսոցկայա – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, Նովոսիբիրսկի ազգային հետազոտական պետական համալսարանի նշանագիտության և դիսկուրսի վերլուծության ամբիոնի պրոֆեսոր
Irina Vysotskaya – Sc. D. in Philology, Professor of the Semiotics and Discurs Analysis Chair of the Novosibirsk National Research State University
4. **Рузан Грдзелян** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания, языковой типологии и теории коммуникации ЕГУ
Րուզան Գրձելյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր
Rouzan Grdzelyan – Sc.D. in Philology, Professor of the Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication Chair, YSU
Эл. почта: ruzan.grdzelyan@ysu.am
5. **Наталия Гончар** – кандидат филологических наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Вестник Ереванского университета»
Նատալիա Գոնչար – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի գլխավոր խմբագրի տեղակալ
Natalia Gonchar – PhD, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief of the Bulletin «Banber Yerevani Hamalsarani»
Эл. почта: natalyagonchar@ysu.am
6. **Татьяна Геворгян** – доктор филологических наук, литературовед, Москва
Տատյանա Գևորգյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, գրականագետ, Մոսկվա
Tatyana Gevorgyan – Sc. D. in Philology, literary critic, Moscow

**СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ" ЗА 2016 Г.**

№ 1

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Эльмира Александрова* (Санкт-Петербург) – К истории создания переводов Вячеслава Иванова из армянской поэзии 3
- Левон Акопян* – Ласточка, Психея, Персефона (о стихотворении О. Мандельштама «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»)..... 25
- Рузанна Саркисян* – Функции художественной детали в цикле И. Бунина «Темные аллеи» 42
- Наталья Ханджян* – Русская литература и ее классики в высказываниях Уильяма Сарояна (из заметок, бесед, интервью) 49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Вероника Арутюнян* – Время в русской языковой картине мира (словообразовательный подход)..... 57
- Диана Газарова* – Ад аду рознь, или семантико-прагматические особенности «лагерной прозы» А. Солженицына, В. Шаламова и С. Довлатова..... 66

№ 2

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Татьяна Геворкян (Москва)* – Мотив «Младенца» в лирическом сюжете книги Марины Цветаевой «После России» (Александр Бахрах – второй заочный корреспондент стихов 1923 года) 3
- Наталья Гончар, Карине Мхитарян* – Итоги полувековой обращенности Армении к Осипу Мандельштаму 28
- Ирина Барклай (США)* – «А за ним голубела река...» (из словоупотребления Анны Ахматовой) 55

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Лианна Матевосян* – Стереотипный пласт лингвокультурного сознания: рефлекс vs. осознанная необходимость..... 66
- Наталья Гурьева (Тверь)* – Парцелляция как объект исследования в современной лингвистической литературе 76

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Магда Джанполадян – Оценки Валерия Брюсова армянской поэзии век спустя. 3

Галина Доброзракова (Самара) – Мотив обмана в творчестве С. Довлатова 18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ирина Высоцкая (Новосибирск) – Взаимодействие имени существительного и глагола в современном русском языке 36

Рузан Грдзелян – Валоризация в жизни и в языке 49

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Наталья Гончар – Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. Репринтное воспроизведение издания 1898 года. М., 2015, 960 с. 60

Татьяна Геворкян – Светлана Салтанова. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи. 1941- 1961 годы. М., Дом-музей Марины Цветаевой. 2015, 343 с. 68

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ * СОДЕРЖАНИЕ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ LITERARY CRITICISM

- Magda Джанполадян* – Оценки Валерия Брюсова армянской поэзии век спустя 3
- Մագդա Ջանփոլադյան* – Հայ պոեզիայի Վալերի Բրյուսովի գնահատականները մեկ դար անց
- Magda Janpoladyan* – Valery Bryusov's Evaluations on Armenian Poetry a Century Later
- Галина Доброзракова* – Мотив обмана в творчестве С. Довлатова 18
- Գալինա Դոբրոզրակովա* – Խաբեության մոտիվը Ս. Դովլատովի ստեղծագործության մեջ
- Galina Dobrozrakova* – The Motive of Deception in the Work of S. Dovlatov

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ LINGUISTICS

- Ирина Высоцкая* (Новосибирск) – Взаимодействие имени существительного и глагола в современном русском языке 36
- Իրինա Վիսոցկայա* (Նովոսիբիրսկ) – Գոյականի և բայի համագործակցությունը ժամանակակից ռուսաց լեզվում
- Irina Vysotskaya* (Novosibirsk) – The Interaction of the Noun and the Verb in Modern Russian Language
- Рузан Грдзелян* – Валоризация в жизни и в языке 49
- Րուզան Գրձէլյան* – Վալորիզացիան կյանքում և լեզվում
- Rouzan Grdzelyan* - Valorization in Life and in Language

ԳՐՔԵՐԻ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ BOOK REVIEW

- Наталья Гончар* – Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. Репринтное воспроизведение издания 1898 года. М., 2015, 960 с. 60
- Նատալիա Գոնչար* – Եղբայրական օգնություն թուրքիայում տուժած հայերին. գրական-գիտական ժողովածու 1898 թ., հրատարակչության վերատպություն. Մ., 2015, 960 էջ
- Natalya Gonchar* – The Brotherly Help to Armenian-Sufferers in Turkey. Literary-Scientific Collection. Reprint of 1898 Edition. Moscow, 2015, 960 p.

<i>Татьяна Геворкян</i> – Светлана Салтанова. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи. 1941-1961 годы. М., 2015, 343 с.	68
<i>Տադևանա Գևորգյան</i> – Ս. Սալտանովա. Մարինա Յվետասևա. Վերադարձ. Պոետի ստեղծագործական ժառանգության ճակատագիրը սովետական ժամանակաշրջանի ֆոնին: 1941-1961 թթ., Մ., 2015, 343 էջ	
<i>Tatyana Gevorgyan</i> – S.Saltanova. – Marina Tsvetaeva. The Return / The Fortune of Poet's Creative Heritage against the Background of Soviet Epoch. 1941-1961. Moscow, 2015, 344 p.	
Сведения об авторах	75
Տեղեկություններ հեղինակների մասին Information about the Authors	
Содержание журнала "Вестник Ереванского университета: русская филология" за 2016 г.	76
«Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանասիրություն» հանդեսի 2016 թ. բովանդակությունը The annual contents of the "Bulletin of Yerevan University: Russian Philology " in 2016	

Հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երեք անգամ: Հրատարակվում է 2010 թվականից:
Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:
Журнал выходит три раза в год. Издается с 2010 года. Правонаследник издававшегося в
1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета".
The Bulletin is published thrice a year. It has been published since 2010. It is the successor of
"Bulletin of Yerevani University" published in 1967-2009.

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1, 107
Адрес редакции: Ереван, ул. Алека Манукяна 1, 107
Address: 1, 107, Alek Manoukian str., Yerevan, Republic of Armenia

Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Էլ. փոստ՝ ephbanber@ysu.am
Վայր՝ ysu.am

Контрольный корректор: Վերստուգող սրբագրիչ՝ Proofreader:	Գ. Григорян Գ. Գրիգորյան G. Grigoryan
--	---

Компьютерная верстка: Համակարգչային ձևավորում՝ Computer designer:	Մ. Абгарян Մ. Աբգարյան M. Abgaryan
---	--

Ստորագրված է տպագրության 05. 12. 2016:
Տպաքանակ՝ 100: Չափսը՝ 70x108 1/16: Թուղթ՝ օֆսեթ:
Տպագրական 5 մամուլ: